

Ярослав Полетаев

ТРИ МИЛЛИМЕТРА

Ярослав Полетаев

Три миллиметра

«Издательские решения»

Полетаев Я.

Три миллиметра / Я. Полетаев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-985774-3

Молодой человек — студент Михаил Родионов — в поисках ответов на возникающие в юном страстном сердце вопросы решает на время ступить на военную стезю и отправляется служить. Он хочет разобраться в себе, стать сильнее и лучше узнать жизнь, однако, то, с чем ему неожиданно приходится столкнуться, переворачивает с ног на голову все его представления о мире, добре и справедливости. Теперь, чтобы в этом новом мире выжить и добиться уважения, ему предстоит сделать жестокий выбор. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-985774-3

© Полетаев Я.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Три миллиметра

Ярослав Полетаев

© Ярослав Полетаев, 2020

ISBN 978-5-4498-5774-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

4 июля 2012 года в шесть тридцать утра один неприметный молодой человек сидел на разноцветной скамье в крохотном и уютном столичном дворике – в Печатниковом переулке, ведущем от Сретенки к Трубной площади. Хотя это и был центр растущего многомиллионного города, место это казалось необычайно милым и приятным. Вся округа ещё дремала в утреннем забытии, извечного московского автомобильного гула почти не было, и из окон домов мягкий ветер выдувал белоснежные шторы. Нежно-голубое небо было чистым от облаков, а ночная прохлада ещё не сменилась пыльным летним зноем. Над головой юноши шумели, перешептываясь, многолетние деревья, а вокруг него, задумчивого и неподвижного, сновали проказники-воробьи, выискивая что-нибудь съестное. Они то и дело опускались рядом с ним на скамью, чувствуя, что он совершенно безобиден, и с интересом разглядывали его руки.

Михаил Родионов, так звали этого молодого человека, был невысокого роста, несколько худ, но строен и складен. Черты лица его были вежливо ровными и прямыми, а глубокие карие глаза искренними и добрыми. Чёрные, как уголь, волосы его были опрятно острижены и уложены на бок по тогдашней моде. Одет он был в серые хлопчатые брюки и белую рубашку с коротким рукавом, как и всегда по-деловому, хотя вовсе не являлся дельцом. Ему уже стукнуло двадцать лет, и то его серьёзно беспокоило: он представлял себя и свою жизнь к этому времени совершенно иначе. Он родился в Пскове в семье незначительного, но трудолюбивого предпринимателя и легкомысленной, но любящей и искренней домохозяйки. Будучи вторым ребёнком этого прочного союза, он получил от семьи не только родительскую заботу и все блага, что несёт материальный достаток, но также вполне умелое воспитание. Михаил рос славным, послушным мальчиком, в общем-то не отличаясь от других детей. Он ходил в детский сад через дорогу от дома, при том с четырёх лет самостоятельно, рано научился завязывать шнурки, читать и писать. В школе он из года в год хорошо учился и, хотя кругом было полно соблазнительных отвлекающих вещей, старательно в течение двух-трёх часов после занятий выполнял домашние задания, прежде чем шёл на улицу играть с друзьями. Михаил так же, как и все дети, посещал спортивную секцию и кружок рисования, не проявляя, впрочем, никогда большого таланта и не добившись за многие годы впечатляющих успехов. Несмотря на это, Михаил всегда был убеждён в том, что способен на нечто поразительное, что он не простой мальчик и что его ждёт ослепительное будущее, полное свершений. Это было, надо сказать, не омерзительное самолюбивое желание достичь славы, всеобщего обожания и признания ради себя одного, а возвращённое материнской лаской и нежностью, с годами обдуманное и созревшее стремление помочь нуждающимся, сделать прекрасный окружающий его мир сказочным, привнеся в него доброту и справедливость.

После окончания школы Михаил отправился учиться в Москву, хотя его старший брат Геннадий, отучившись в Пскове и получив неплохую специальность инженера, в родном городе семимильными шагами поднимался по лестнице общественного успеха и благополучия. Приходя раз в неделю, обычно субботним вечером, в квартиру родителей, Геннадий после ужина усаживался с отцом в гостиной, и они, потягивая ледяное литовское пиво, с жаром обсуждали те или иные городские события, выдумывали разные прибыльные и полезные предприятия. Пока Михаил был маленьким, он всегда ходил вокруг них безучастно, появляясь в гостиной как будто в поиске потерянной игрушки, но затем резко бросался к отцу на колени, или на шею, и звонко хохотал, когда тот от неожиданности проливал на бороду пиво. Отец шлёпал его беззлобно и отправлял к матери, переглядываясь со старшим сыном. Они мудро и терпеливо ждали, пока Михаил повзрослеет и захочет принять участие в их деловых переговорах. Однако когда Михаил достиг подходящего возраста и стал перед выбором, он не смог выразить ника-

ких особенных суждений касательно своего будущего, кроме того только, что ему необходимо ехать в Москву и там совершать то самое предначертанное ему великое дело.

Михаил в тот день был одновременно печален и радостен, взволнован и спокоен. Прежде неделю он провёл словно в забытии, как человек, предчувствующий значительные перемены в жизни. Накануне вечером он аккуратно уложил свои вещи, совершил все умывальные приготовления и перед сном напоследок оглядел небольшую комнату в студенческом общежитии – почти всё, что составляло его жизнь последние три года. После этого он лёг на свою койку наверху двухэтажной кровати, но ещё долго не засыпал, глядя в потолок, размышляя о прошлом и представляя будущее.

На следующее утро Михаил проснулся бодрым и полным решимости следовать своим планам. «Наконец этот день настал, когда томительное ожидание окончится», – с облегчением думал он, приступая к сборам. В этот день в Москве, да и во всей стране множество молодых людей просыпались с такими же мыслями, хотя кто-то и с более печальными. Тем не менее, с самого утра все они были заняты насыщенной деятельностью, а после выдвигались каждый к намеченному месту. Сюда, в Печатников переулок, в утро того знаменательного дня, приехало около сотни молодых людей – кто-то уже заранее остриженный в парикмахерской, кто-то с ночи ещё сильно пьяный, а кто-то серьёзный и угрюмый. Двери Останкинского военкомата распахнулись без десяти семь, к ожидающим вышел пузатый подполковник с папкой в руке. С его появлением толпа оживилась, товарищи и подруги молодых призывников, их отцы и матери стали спешно обниматься и прощаться с отъезжающими, поучая их наставлениями. Следом за подполковником из дверей вышел старый капитан и стал называть по списку фамилии, приглашая названных внутрь. Михаил ещё ожидал несколько минут с нетерпением, но вскоре его вызвали, и он твёрдо и ходко прошагал в прохладный тёмный коридор военкомата.

В дальнейшем в тот день последовали все типовые и рядовые процедуры, которые обязательно проходят в призывные дни повсюду и, в общем-то, имеют мало значения, хотя подавляющее большинство военных считает иначе. То были всяческие медицинские осмотры, взвешивания, заполнение тестов и психологические беседы. После всего новобранцев отвезли на пункт распределения, где остригли под насадку в три миллиметра и переодели в военную форму. В таком виде, с обритой головой, в висящей мешком огромной форме без знаков различия и нашивок, каждый из них выглядел смешно и нелепо, однако никто этого не замечал. Военная форма всегда несёт с собой некоторую дисциплину и подтянутость, и это заставило многих почувствовать себя уже военнослужащими и даже ненадолго задуматься о долге, чести, ответственности и прочих понятиях, прежде им почти не встречавшихся в жизни.

Здесь, на пункте распределения, новобранцы содержались до самого вечера, ожидая то в душных коридорах, то на улице под палящим солнцем, сталкиваясь с другими группами призывников, уже распределённых, наблюдая за томящимися в ожидании офицерами, тихо переговаривающимися по углам. Все время туда-сюда сновали посланцы, старшины, прапорщики со списками, перекрикивали друг друга, увещевали врачей и должностных служащих, могущих повлиять на отбор солдат. Они вступали в перепалки между собой, уходили в стороны и стоваривались. Если им что-либо не удавалось, они взывали к своему офицеру, прибывшему с ними за старшего, и тогда какой-нибудь уставший лейтенант с кипой списков, бумаг и личных дел стучался в один из кабинетов. Через некоторое время глухим полусшёпотом собеседники приходили к согласию, и лейтенант выходил, помечая что-то в своих списках. Именно этот этап отбора и распределения был тем моментом, когда совершаются звонки с просьбами, читаются рекомендательные письма и открываются блокноты с пометками, личные дела передаются из рук в руки и солдаты переходят от одного офицера к другому. За исключением подобных случаев, когда всё заранее решено, вся эта военная чехарда, попытка организовать и распределить невероятное количество людей по местам службы, выполнив все планы, никого

не обидев и поспев вовремя, являла собой ярчайший пример одной из бесчисленных армейских деятельностей, которые тянутся долго, отнимают много сил, но дают ужасный результат.

Тем не менее, большая часть призывников была распределена к вечеру, среди них и Михаил Родионов. К десяти часам их группу – всего около тридцати человек – привезли на автобусе к Ярославскому вокзалу. Что их ждало дальше, кроме этого направления пути, никому не было известно, но на воротниках безмолвного и строгого капитана и долговязого сержанта, сопровождавших новобранцев, красовались танковые петлицы. При виде этих петлиц Михаил смутился: он, оценивая своё рвение и желание, рисуя в юношеском воображении своё будущее, никак не предполагал оказаться на службе где-либо, кроме спецназа, разведки или морской пехоты. Все остальные войска он по какому-то неизвестному убеждению считал вторым сортом, а службу в них – пустой тратой времени. Как и многие другие люди, Михаил предполагал, что любая иная служба, кроме элитной, вероятно может пройти за постройкой дачи для какого-нибудь генерала. Однако все же он решил повременить с расспросами.

Через пару часов группа разместилась в поезде, следующем во Владимир, в одном вагоне с гражданскими. Наконец от них стало известно, что место прибытия для новобранцев – Ковров, и, по всей видимости, это танковая учебная часть. Дорога туда должна была занять всего около четырех часов, поэтому прибытие ожидалось уже к середине ночи. Вскоре солдаты, не выведав более ничего для себя полезного, переговариваясь под ровный стук колёс, постелили на полки бушлаты, сложили под головы вещмешки и улеглись спать.

О чем думал в ту мимолетную ночь Михаил? Трудно сказать, потому что всегда в его голове носился круговорот мыслей и ощущений, а нынче в новой обстановке он ещё усилился. Его необычайно волновало всё то, что происходит и что ещё ожидается, а всё прошлое уже сейчас выглядело далёким и незначительным, может быть даже бессмысленным. Тем не менее, он лежал и думал, а потом засыпал и видел во сне события своей недавней, но совсем иной жизни. Он видел в мчащейся карусели сновидений однокурсников, коллег, друзей, с которыми проводил весёлые вечера и ночи, родителей и брата, любящих и любимых, но не во всём понимающих его. Он вспоминал всё то, что привело его сюда, к этому решению оставить спустя три года учёбы университет и отправиться служить. Он вспоминал свои былые спортивные успехи и неудачи, скучную учёбу, весёлые досуги, нелюбимую работу в столичном ресторане, неудавшиеся начинания в создании своего дела и с особенной болью огромную по его представлениям проигранную на тотализаторе сумму денег. Горечь и разочарование от несбывшихся расчётов и пережитых неудач, принятых юношей слишком всерьёз, внезапный интерес к военному делу и любопытство привели его сюда, а также вечное и благородное стремление мужчины проверить свои силы в сложных обстоятельствах. Черты характера, смирного и спокойного, но в особых случаях фатально решающегося на крайность, сделали своё дело, и, перечеркнув всё, что было прежде, он принял решение пока что изменить свою жизнь и отправиться служить, решение, для многих его близких ставшее неожиданным и неясным.

Ранним утром следующего дня молодые солдаты сошли с поезда в славном городе Коврове и в предрассветном сумраке погрузились в кузов одиноко стоящего рядом с вокзалом КАМАЗа. Через полчаса плотной тряски они оказались в расположении 422 учебного зенитного артиллерийского полка. За всем этим последовал еще один продолжительный и нудный этап отбора и распределения новобранцев по войсковым частям. Хотя сопровождающий капитан и дал понять, что это ещё не конечное место службы для них, многие уже разочаровано глядели в окна на небольшой неровный плац, одинокий реющий флаг и на заросшую травой грунтовую дорогу позади казармы. Расположение восьмой роты, в котором они находились, как и вся территория полка, целый день было безлюдно, и вокруг стояла совершенная тишина. Родионов и остальные всматривались в чистые белые бордюры, неприметные серые здания штаба, казарм, столовой, красные таблички на них, и радовались редкому появлению где-

нибудь военнослужащих. Родионов, впервые оказавшийся в настоящей армейской обстановке, обращал внимание на все детали окружения, но ничего, кроме тоски и уныния, увиденное в нем не порождало. Всюду в расположении были двухъярусные прилежно заправленные кровати, белые полотенца с печатями, тумбы, квадратные подушки и всё прочее такое же типовое, армейское, строгое и скучное. Не было нигде ни оружия, ни технических средств, ни хотя медицинского инвентаря – ничего, пусть в малой степени интересного ему теперь, ступившему на военную стезю.

Строгий капитан с самого утра куда-то исчез, а Панда (так прозвали новобранцы сопровождавшего их сержанта за его круглое пухлое лицо) спокойно дремал, свесив ноги в ботинках с кровати. Он представлял образец старослужащего, которому ни на грамм ничего не нужно от военной службы, кроме того только, чтобы она шла скоро и как можно более спокойно. Даже по нему спавшему можно было угадать, что он думает только о «гражданке», что попал сюда он от безвыходности, по обстоятельствам, но никогда по собственному желанию. И тогда, пожалуй, в сладком сне Панда видел родной городок, гуляющих красоток по улицам и себя в щегольской одежде и в окружении друзей-бездельников.

После обеда, однако, настроение новобранцев несколько улучшилось, поскольку в казарме началось помалу оживление. Появились несколько офицеров в парадной форме, в их числе и уже знакомый капитан. Какой-то серьёзного вида майор приказал дневальным вытащить на центральный проход несколько столов, куда вскоре уселись пришедшие, разложив перед собой множество папок и личных дел. Спустя полчаса все они переместились в один из кабинетов и стали вызывать по одному прибывших солдат. Это была последняя распределительная комиссия, которая, в общем-то, уже ничего не решала и больше походила на свидание старых знакомых. Только двое из присутствующих офицеров задавали вопросы, ещё один ставил галочки у себя в записях и методично кивал головой, а остальные лишь весело и отстранённо шептались.

Вновь организационные и распределительные процедуры заняли весь день, и только поздним вечером, после ужина, прошла команда Родионову и ещё нескольким оставшимся новобранцам следовать за Пандой и капитаном. Больше двадцати солдат уже отправились ранее в разные части с другими офицерами, но неизвестно было куда именно. Оставшиеся терялись в догадках, а Родионов больше всех, всё ещё надеясь, что танковые петлицы капитана значат не так уж много. Около десяти вечера маленький отряд вновь погрузился в кузов «Камаза» вместе с Пандой, и грузовик в этот раз понёсся по прекрасной дороге, пересекая кварталы с крохотными деревянными домиками, затем широкие поля и густые перелески. Вечер стоял благоуханный. Тёплый ветерок приятно обдувал молодые лица призывников. Прямо над их головами, совсем низко раскинулся великолепный купол блестящих звёзд, утопающих в мягком лунном свете. Новобранцы то и дело выглядывали через щели в брезенте и любовались ночным небом, наслаждались сладостью летнего остывающего воздуха. Они смотрели по сторонам, слушая стрекотание сверчков, ощущая каждое движение природы вокруг, её дыхание и жизнь. Они созерцали простую, но бесподобную красоту, и тогда им казалось, что всё в окружающем мире так же прекрасно, легко и радостно.

Через полчаса пути машина остановилась, прозвучали голоса, затем звук открывающихся металлических ворот. После этого грузовик прошёл ещё сто метров, повернул и затормозил. Раздалась команда, и молодые солдаты выскочили из кузова со своими небольшими вещмешками. Вокруг была типичная воинская часть с множеством однообразных строений, белыми бордюрами и хорошо освещёнными дорогами. Ближайшим зданием оказалось четырёхэтажное строение из серого кирпича, с двумя широкими подъездами и стройными рядами огромных незанавешенных окон. Капитан пошёл впереди, и все последовали за ним. Первая же дверь казармы с табличкой «1 рота» распахнулась после его команды. Когда все вошли и построились в шеренгу, из глубины тускло освещённой казармы вышел высокий молодой лейтенант

в безукоризненно отглаженных рубашке и брюках, отрапортовал по форме капитану и стал пристально рассматривать прибывших.

522-й гвардейский учебный танковый рижский полк, куда они прибыли, находился в посёлке Пакино Ковровского района Владимирской области. Полк занимал территорию воинской части 47866 вместе с 523 гвардейским учебным мотострелковым Краснознаменным полком. Это была одна из трёх в России танковых «учебок», единственная в западной части и, как считалось, ведущая. Здесь располагались два учебных танковых батальона по четыре роты каждый, всего восемьсот танкистов, три пехотных батальона, по восемьсот человек каждый, всего две тысячи четыреста курсантов. Все они размещались в четырех больших казармах, по отдельным этажам, как правило, но пехота зачастую по две роты на этаже. Казарма первого танкового учебного батальона располагалась тут же за КПП справа от дороги, с левой стороны располагался штаб обоих полков, за ним клуб, учебно-тренажерный корпус, стадион и спортзал. С другой стороны дороги лежали три пехотных казармы, учебный корпус, столовая, склады, баня, котельная и прочие строения. Парк боевых машин находился за территорией полка, но всего лишь в пятистах метрах от него. Следом за полком вдоль дороги, ведущей из города, находилась исправительная колония, и крыши её бараков, а также купола тамошней церкви были видны из любого места в полку. Вся прочая окрестная местность была покрыта густыми сосновыми лесами с редкими просеками и высохшими ручьями, и только участки стрельбищ в некотором удалении от полка были вырублены и как-то подготовлены для занятий. В целом это была обыкновенная воинская часть, коих сотни по всей стране, хотя и с давней историей, но неприметная, ничем не выделяющаяся, а значит никак не вызывающая увлечённость у молодых бойцов.

Что предстало в дальнейшем перед новоиспеченными солдатами? Российская армия в одном из своих многочисленных проявлений. Не то, разумеется, что они ожидали увидеть, совсем иное. Каждый из молодых людей, задумывающийся о том, что его ждет в военной службе, невольно начинает строить догадки, представления, основываясь на прежде услышанном, увиденном. Не стоит и говорить о впечатлительности людей вообще, а тем более юных и неокрепших умов; они легко поддаются влиянию, перенимают чужое мнение, суждения сильных личностей, или обыкновенного большинства. В то время об армии у многих сложилось представление как о некоем диковинном месте, отличающимся идиотизмом порядков, образцовой тупостью командиров и бесконечным беспределом старослужащих, из-за которого новоприбывшим нет нормальной жизни. По многочисленным кинофильмам, выдержкам из не весьма честных газетных статей, слухам у многих создался образ псевдоармии, в которой не служат Родине, а единственно только обогащают генералов, не учатся боевой подготовке, а выполняют глупейшие и ненужные работы, не защищают конституцию и государственность, а только отправляются бессмысленно на убой. Военная служба, наконец, в сознании большинства перестала быть необходимым признаком мужественности, в какой-то момент мужчина, вовсе никогда не державший оружия, не знающий невзгод и лишений военной службы, благодаря снисходительному изменению понятий тоже стал защитником Отечества. Новейшее время также привнесло многое. Развитие гуманистических концепций, международная интеграция, технический прогресс и улучшение уровня жизни значительно повлияли на формирование сознания молодых поколений, на их восприятие и ценности. Отсутствие единой идеологии, достойной и действенной, а также серьёзных внешних угроз сказались на патриотических настроениях россиян, а скверная мода думать в основном о собственном успехе, в особенности финансовом, способствовала лишь большему нравственному разложению. По этим и прочим обстоятельствам военная служба потеряла многое, как престиж, почёт, и стала зачастую считаться какой-то второсортной деятельностью, даже подчас чем-то низким, что уготовано

неудавшимся ученикам и студентам, молодым людям без покровительства и не сумевшим найти лазейку.

Не были исключением и большинство нынешних призывников. С несуразным багажом слухов и догадок они ступали на военную дорожку. Молодые люди оказались в Ковровском полку не только с самыми расплывчатыми представлениями о военном ремесле и службе. Они пришли с ярким и чётким представлением о невероятно грубой и тупой силе в армии – дедовщине, всепоглощающей, не знающей здравого смысла, силе, что сминая под собой, словно чудовищных размеров каток, все попытки навести порядок. Размышляя ещё там, «на гражданке», о своём будущем, многие готовились к самому худшему, что могли представить – постоянным побоям и поборам, отвратительным унижениям личности и достоинства такой силы, которой невозможно дать физический отпор. Многие предчувствовали встречу с этим монстром – циничной и жестокой машиной безнаказанного армейского произвола, и не знали, как смогут себя повести при этой встрече. Она, думалось им, перемалывала всё без разбора на своём пути, не оставляя никаких шансов остаться уважаемым человеком. Смутно маячили перед глазами системные понятия «дух», «карась», «черпак» и прочие. Беспokoйно мелькали в воспоминаниях кадры документальных фильмов, где старослужащие ломают табуреты о головы молодых, пробивают «фанеру», даже раздевают догола и насилуют. Несмотря на всё это, слезные переживания матерей, неумелые наставления отцов, многие молодые солдаты по своей воле отправились служить, предрекая себе тем самым нелёгкий путь и неведомый финал.

Каким невероятным было удивление молодых ребят, когда они не встретили ничего подобного здесь. Длительное время ещё каждый из них ожидал в любую минуту столкнуться с тем, к чему готовился, но ничего похожего решительно не происходило. Прошёл день, затем другой, третий и ещё один, однако к новобранцам никак не подходили стаей злые дембеля, вымогая деньги, требуя выполнить какие-либо задачи под угрозой расправы. Огромная густая масса вопросов и догадок, снежный ком беспокойств и тревог в одно мгновение рассеялись, как только новобранцы окончательно поняли, что всё, прежде им навязанное общественным мнением об армии – глупый и отнюдь не необоснованный вымысел. Не оказалось никаких наводящих ужас дембелей с безумными глазами, желающих пролить как можно больше молодецкой крови, не оказалось унижительных издевательств, имеющих целью единственно позабавить извращённое воображение скучающих «старых». Вместо этого новобранцы встретили здесь, в первой учебной танковой роте, восемь таких же юных и, в общем-то, безобидных младших сержантов, оставшихся с зимнего призыва. Они в своё время отучились в полку четыре месяца, как предстояло теперь Родионову и прочим, а затем ещё пробыли здесь два месяца межпериода, когда большая часть курсантов уезжает в войска, а другие остаются, чтобы стать наставниками для следующего поколения. Эта кажется благородная и ответственная их роль, однако, воспринималась совсем не так самими старослужащими, как очень скоро стало ясно. Всё происходящее казалось им наказанием, проклятием за нежелание когда-то ехать в войска, хотя всё же кое-кто из них был доволен и службой в учебной части. Как бы там ни было, все они были слишком юны и незрелы, чтобы хотя осознать огромную важность возложенной на них задачи, а тем более выполнить её – воспитать и наставить следующее поколение военнослужащих, которым предстоит стоять на страже безопасности страны.

На следующий день после прибытия группы Родионова в расположение первой учебной танковой роты прибыли другие двадцать человек, в основном из Москвы, а позже вечером ещё около тридцати человек, но уже из регионов. 7 июля утром прибыла последняя часть новобранцев, и всё из центральных областей – Ярославской, Курской, Тульской, Калужской. Так рота укомплектовалась, составив почти девяносто солдат. Вскоре роту начали делить на три учебных взвода по тридцать человек, расселять по кубрикам, составлять списки и штатные книги.

Михаил Родионов оказался в первом взводе и шестым номером в первом отделении. В эти дни он ходил угрюмый и опечаленный несбывшимися надеждами на свою службу, наивно воображая, что сейчас вот распахнётся входная дверь, спешно войдёт какой-нибудь майор с петлицами десантных войск и вызовет его к себе. С этим высоким и гордым офицером Михаил бы прошагал сколько угодно, только бы сгинуть подальше от этого танкового кошмара, который пугал и словом «танк», и всем громоздким и неуклюжим, что приходило с ним на ум. «Что же скажут родственники и друзья, подруги, когда я им расскажу, что год в танке сидел, чумазый? Посмеются надо мной!» – оставаясь наедине с собой, размышлял Михаил и всё поглядывал на входные двери казармы, где младший сержант Толстов в роли дневального устало покачивался на тумбочке. Однако дни шли, никто не появлялся, невоспитанный и всегда серьёзный старшина роты Долинин сновал по батальону и раздавал указания, дневальный периодически выкрикивал команды, и точно так, медленно и размеренно угасала надежда Родионова провести службу с интересом.

Спустя три дня после прибытия первой группы, когда большая часть перемещений солдат внутри роты прекратилась, бойцы в плотном строю впервые оглядели друг друга. Первым взводом, выстроившимся на центральном проходе, занимающим три первых кубрика расположения, руководил тогда один совсем юный младший сержант Дубовиков. Ему было девятнадцать лет, но выглядел он, худой и небольшого роста, вместо щетины с едва различимым пушком на щеках, почти школьником. Округлое лицо, покрытое сплошь веснушками, а также ясные изумрудные глаза придавали ему как будто всегда доброжелательный вид. Он, однако, не был добрым, хотя и улыбался, смеялся постоянно, а был скорее чудовищем в ребячем облики. Его неизвестную новобранцам сущность поначалу выдавал только его хриплый голос, ещё нотками мальчишеский, но всё же изрядно изломанный частым курением и подступающим взрослением. Дубовиков был родом из Нижнего Новгорода, крайне удобно жил на гражданке без забот и хлопот, любил развлечения и удовольствия и совсем не знал ответственности. В период своей курсовки он по разным причинам изрядно помотался, и теперь, получив в подчинение тридцать неумелых новобранцев, ещё сам юный и неопытный, был зол на весь мир.

Михаил Родионов на своём месте в первом ряду строя едва ли мог хорошо рассмотреть кого-либо, кроме стоящих слева и справа, однако он глянул по сторонам, пока Дубовиков увлечённо разяснял какие-то армейские истины. Будучи от природы наблюдательным, в той степени разумеется, в какой это возможно для молодого человека, далёкого от всех серьёзных вещей, Михаил с радостью подметил, что большей частью его сослуживцы – такие же безобидные добродушные пройдохи, как и он сам. Многие из них растерянно плутали взглядом, только лишь стараясь делать это незаметно для сержанта, вовсе не слушали, а кто-то даже шептался с товарищем. Один человек тогда обратил на себя сразу внимание Михаила – то был смуглый крепкий юноша двадцати трёх лет, такой же черноволосый и черноглазый, как сам Родионов. Невысокий, плотный, сутулый, с большим уродливым шрамом на виске и грубыми, резкими скулами, неподвижный в строю, он походил на статую какого-нибудь сказочного очеловеченного хищного зверя. Родионов осторожно заглянул ему в глаза и встретил, к своему великому удивлению, самый добродушный и отзывчивый взгляд. Звали незнакомца Кирилл Масленников, и он оказался недавно отучившимся аспирантом из Москвы, уже успевшим поработать какое-то время в университете на кафедре и добровольно отправившимся служить. Чуть позже в этот день, когда у них выдалась свободная минута, Родионов появился рядом и уверенно протянул ему руку.

– Привет, я Миша, будем знакомы, – невнятно процедил он и внимательно прислушался, ожидая ответа.

Масленников крепко пожал ему руку, представился, и спросил сначала одно, потом другое, потом что-то ещё. Разговор пошёл непринуждённо, сам собой, а через каких-то полчаса

молодые люди общались уже как старые приятели, подшучивали друг над другом и делились секретами из былой гражданской жизни.

Родионов не думал тогда и, должно, не смог бы понять, что так расположило его к Масленникову, а было это не что иное, как выдающиеся личностные качества этого человека. Большой трезвый ум и зрелость, рассудительность отличали его от крикливой гурьбы молодёжи, с которой он попал в призыв, и даже от немногих старших новобранцев, к примеру, от бывшего следователя Журавлёва, которому стукнуло двадцать пять. Масленников был смел, справедлив и честен. Он не боялся говорить правду или высказывать своё мнение сержантам или офицерам, пусть оно и шло вразрез с их точкой зрения, не чинил зла и обиды никому, пусть даже тот этого заслуживал, не укрывался в толпе, если был в чём-либо виноват. В нём развились и соединились те качества человека и отношения мужчины к службе, Родине, семье, людям, жизни, которые Родионов считал наиболее правильными, ценил и жаждал когда-нибудь развить в себе.

– Ты зачем служить пошёл? – спрашивал позже Масленников в одной из бесед.

– Надоело мне всё там, не понимаю ничего. Всё шло у меня не так, как нужно. Товарищ один рассказал, что армия это отличная возможность подумать, разобраться в себе... – откровенно отвечал ему Родионов.

– И чего ж, ты пришёл сюда подумать, и только?

– Нет, конечно. Интересно было военное дело тоже, научиться чему-нибудь, это ведь может однажды оказаться важным? Да и потом проверить себя, всё думал – смогу ли?

– Сможешь, тут все смогут. Годами у всех получалось, значит и у нас получится, – спокойно проговаривал Масленников истины, открывшиеся ему, вероятно, уже давно.

Были и ещё люди, с которыми Родионов вскоре завёл знакомство и подружился. То были многие из его отделения, как Порсев, невероятной силы, но не слишком крепкого духа атлет, Кирсанов, безобидный и остроумный весельчак, Гуреев, вечно жаловавшийся на судьбу, но хороший и надёжный товарищ, Белов, который по неопытности своей согласился стать компьютерщиком роты, Башмаков, глуповатый неумеха, считающийся наказанием всего взвода, а также Прокофьев, вот-вот окончивший школу перед службой, циничный и хитрый юноша, но, тем не менее, ставший приятелем Родионову. В других отделениях Родионов подружился с Сименченко, горбатым черноволосым молодым человеком, который на гражданке, будучи ещё школьником, работал на кладбище, за что здесь получил от сержантов прозвище Гробовщик, Сотниковым, славным малым, что все невзгоды встречал терпеливо, с улыбкой, Кудряшовым, насколько невысоким, настолько же добродушным, лишь изредка ругающимся на выходки сержантов, Кормилицыным, поразительно спокойным, получившим прозвища Каспер, Прозрачный за свой тихий нрав и совершенную незаметность для окружающих. Были и другие новобранцы, такие как Журавлёв, Скачков, Кириллов, Шариков, Метельков, Вишняченко, Скорев, Нефёдов, Назаров и ещё некоторые, с которыми Родионов тоже был знаком. Все во взводе прекрасно знали друг друга, потому что ежеминутно они подразделением, как одно целое, ходили, ели, спали, познавали военную службу. Вскоре они так привыкли друг к другу, что отсутствие одного в строю товарищи тут же замечали. Через определённое время, когда пришла нелёгкая пора, многие подружались, разделяя большие трудности и маленькие радости, а ещё позже, когда оказались пройденными значительные испытания, ребята стали относиться друг к другу по-братски и называться семьёй.

Первая неделя после прибытия новобранцев целиком ушла на то, чтобы ознакомиться с порядками и правилами армейской службы, части, подразделения. Молодые солдаты учились правильно ходить, стоять, строиться, надевать и укладывать форму, подшиваться, рапортовать и ещё многим азам службы. То был самый чувствительный для многих период, когда всё яркое и эмоциональное из гражданской жизни становится воспоминанием, а действитель-

ностью оказывается скупая и строгая военная обстановка, где кровати заправлены у всех одинаково и на каждой двери вывешена красная табличка. В это время напрочь забываются имена окружающих и даже собственное, остаются только звания и фамилии, обыкновенная речь превращается в сухую служебную, вгоняется в рамки устава, всё поведение и даже мышление новобранцев меняется, становится сдержанным и более взвешенным.

С самых первых минут появления молодых солдат в ковровском полку офицеры, сержанты, все окружающие и даже сама обстановка внушали новобранцам некоторую важную мысль: не позволяется ни под каким предлогом сомневаться в престиже и разумности командиров, перечить им и не выполнять их требования. В определённый момент командир батальона капитан Молотов – здоровенный двухметровый детина – даже заявил, что все непослушные бойцы будут наказаны по дисциплинарному уставу. В его грубой речи промелькнули слова «дисбат», «губа» и прочие, порой пугающие своим смыслом и бывалых вояк, а ничего не знающих о военной службе новобранцев повергшие в истинный ужас. Построенных для знакомства в первый день сержантов представляли молодым бойцам как ближайших наставников на последующие четыре месяца, все их приказы и команды должны были соблюдаться неукоснительно, перечить им нельзя было ни при каких обстоятельствах, а неподчинение грозило самыми крайними мерами. Обращаться к сержантам, несмотря на их юный возраст, следовало на «вы», с приставкой воинского звания, и никак иначе. Любая их команда, какой бы безрассудной она ни была, должна была исполняться мгновенно и с полной отдачей. Всё это многократно разъяснялось и повторялось в течение нескольких недель, подобный уклад поддерживался строжайшим образом контролем офицеров, так очень скоро эти правила устоялись в головах молодых людей как справедливые и единственно верные.

В первую неделю службы пришло и самое скверное ощущение, которое, к тому же, не покидало новоприбывших ещё долго – полного отсутствия свободы. У молодых солдат её вовсе не было, каждый делал лишь то, что ему приказывали: ходил, стоял, слушал, спал, ел. Запрещалось самостоятельно выходить за дверь казармы, а тем более за забор, за территорию полка. Даже в туалет солдаты ходили, когда им давали разрешение. Так называемый свободный час с восьми до девяти вечера довольно редко действительно оказывался свободным, да и он уходил на подготовку к следующему дню. Всё остальное время курсантов чем-либо занимали: они выполняли то одно, то другое, с самого подъёма и до отбоя, а все окружающие их начальники как будто сговаривались не давать им ни минуты покоя. Иногда, после очередного утомительного дня ложась в кровать, Гуреев заводил уже привычную речь:

– Я вот смотрю на эти ограждения, забор в колонии, и думаю, что мы не слишком то отличаемся от этих заключенных, а может, они и посвободнее будут. Только вот называют по-разному. Мы тут вроде военнослужащие, Родине служим, едим, спим, ходим туда-сюда, а они всё точно так же, только они зеки, и наказание отбывают. Кроме этого и различий мало.

– Их кормят лучше, вот главное различие. Если бы знал заранее, то уж, наверное, зеком стал бы, – говорил Кирсанов, переворачиваясь с бока на бок.

Никто не соглашался с ними, но и не отрицал их суждений. Каждый только быстрее укладывался, чтобы не терять драгоценного времени сна, чтобы ещё несколько минут, прежде чем уснуть, подумать о чём-то своём. Лишь это и считали они свободным временем.

Ненавистная и ужасающая команда «Рота подъём!» звучала каждый день ровно в шесть тридцать утра. Михаилу, да и остальным обычно казалось, что ночь куда-то бесследно исчезает, будто её вообще и нет, хотя о ней говорится в распорядке дня, а значит, вероятно, она есть. Едва стоило молодым уставшим солдатам закрыть глаза после отбоя, они проваливались в пучину коротких, неясных сновидений, но тут же слышали крик дневального, и новый день начинался. Разбитые, всё ещё уставшие, бойцы вскакивали с постелей, откидывали одеяла на душки кроватей и бросались одеваться на центральном проходе. Таков был порядок – от них требовалось

схватить свой табурет, выбежать с ним на проход и там одеваться. Гуреев извечно ругался, Кирсанов веселился сам и смешил остальных, все спешили, застёгивали невпопад пуговицы, наступали друг на друга и падали. Дежурный по роте обычно объявлял форму одежды, и почти всегда летом это была только нижняя часть формы, для пробежки с обнаженным торсом. Рота должна была построиться за минуту, а ответственный офицер, или все остальные офицеры роты, прибывшие на утреннюю зарядку, отсчитывали время.

– Рота! – порой кричал разъярённый старший сержант Курилов, и тогда все в проходе замирали, ожидая новой команды.

Курилов представлял собой выразительный пример военнослужащего старых правил. Он был низкого роста и огромной силы, недурен собой и безупречно ухожен. В своё время Курилов отслужил срочную службу два года как раз в этом полку, но только в пехоте, затем уволился, однако не нашёл себя в гражданской жизни. Через некоторое время он вернулся в полк на контракт. Курилов любил физические упражнения, испытания тела, воли и духа, а если быть точным – некую выдуманную им самим молодецкую удаль, богатырскую силу и выносливость, и совершенно искренне хотел привить эту любовь солдатам. Он, однако, был по своим умственным способностям не в состоянии этого сделать и тем более понять, что многое в жизни человека восходит к его детскому воспитанию. Курилов был уверен, что всё нынешнее поколение военнослужащих – лишь выхолощенные слабаки, ни на что не способные, и служат мало. В течение одного года, он считал, они не могут подвергнуться положенным испытаниям и стать хорошими бойцами, стойкими, мужественными, способными в нужный момент выстоять и победить врага. Так рассуждая и зачастую находя подтверждение своим мыслям, он убеждался в том больше и больше, а потому спустя некоторое время стал с презрением относиться почти ко всем солдатам.

– Отбой! – продолжал Курилов, разгуливая по расположению с обнажённым торсом, играя мощными бронзовыми мускулами, и тогда вся рота бросалась раздеваться и укладываться обратно в кровати. Гуреев ругался пуще прежнего, а Кирсанов смеялся и всё его подначивал.

Курилов кричал, подгоняя самых нерасторопных пинками:

– Гляжу, вы куда не торопитесь, макаки! Советую пошевелиться, а не то будете у меня отбиваться до обеда!

Подобные упражнения, или воспитание, как многие это называли, продолжались обыкновенно три-четыре раза, но порою затягивались. Офицеры накануне вечером давали указание сержантам разбудить личный состав в шесть и полчаса «тренировать подъём». Сержанты-срочники, в своё время страдавшие от тех же самых измывательств, получив подобный приказ, поутру охотно принимались за дело. Видя, как негодуют молодые, получая столько же неприятностей, сколько и они прежде, сержанты с ликованием воспринимали эту странную справедливость.

Через три минуты после подъёма, как правило, подразделение уже совершало утреннюю пробежку, которая могла быть несколькими показательными кругами по плацу во главе с офицерами, а могла быть и трёхкилометровым забегом за пределами полка. Пробежка по плацу, как правило, происходила в командирский день – понедельник, когда офицеры всячески показывали своё рвение и желание заниматься зарядкой. Разумеется, в любой другой день ни одного из них в седьмом часу утра здесь было не сыскать. Лейтенант Бабенко, командир третьего взвода, единственный очень любил пробежки за территорией и совершал их охотно во главе всей роты. В минуты подобных пробежек солдаты увлеченно глядели по сторонам, очарованные красотами просыпающегося хвойного леса, ровным строем высоких сосен и извилистыми просеками, усыпанными еловыми иголками. Восхищаясь совершенной тишиной природы, вдыхая свежий утренний воздух, они успокаивались и вдохновлялись, замечая, что есть

в мире, и совсем рядом, много всего прекрасного, светлого и радостного, отличного от однообразной армейской жизни.

Лейтенант Бабенко был высоким, худощавым офицером двадцати восьми лет, но выглядел он гораздо старше, редко кто давал ему меньше сорока. Его когда-то пышные рыжие волосы ему очень шли, но теперь он почти полностью облысел. Обыкновенно с щетиной, покрасневшими глазами, волчьим оскалом, он производил впечатление обозлённого на судьбу и глубоко несчастного человека. Голос его был низким, сильным, а речи всегда пресыщены руганью.

– Вы меня послушайте, что я скажу, – говорил он как-то в первые дни перед строем – вот вы думаете, приехали сюда зря, армия – «залупа», целый год здесь напрягаться. Но я вас уверяю, пройдут год, два, пять, десять, и вы многое забудете... Забудете, как в молодости первый раз по лицу получили, как первый раз нажрались, как первый раз девку «мацали»... Всё это уйдёт, и не вспомните. А вот армию, как вы тут «дрочились» – никогда не забудете! Будете помнить до старости. И всех, кто с вами был, тоже будете всю жизнь помнить. И друзей здесь найдёте на всю жизнь, и ещё станете скучать по этому времени. Я вам говорю это, потому что у самого так было!

В отношении к солдатам Бабенко всегда был строг и требователен, в особенности к своему взводу; он неустанно повторял заученные истины, которые им следует усвоить, и даже порой пытался обучать их военным предметам. Как-то раз он приказал вытащить из кладовой танковый прицел, рассадил роту на проходе и стал увлечённо объяснять назначение кнопок и механизмов прицела. Его обступили, внимательно слушая и засыпая вопросами. К сожалению Михаила и остальных, наконец хотя немного посвященных в доселе неизведанный мир танковой науки и потому действительно заинтересовавшихся уроком, Бабенко вскоре перешёл от танков к армейским философско-бытовым вопросам, которые всему предпочитал. К ещё большему сожалению курсантов то занятие оказалось всего лишь стихийным порывом устремлений старого лейтенанта и стало едва ли не первым и последним в своём роде.

По возвращении в роту после пробежки новобранцы спешили заправить койки, умыться и приготовить к завтраку. В таких случаях в небольшой солдатский туалет набивалась вся рота – девяносто человек, стараясь успеть умыться и почистить зубы. На всех здесь назначалось двадцать умывальников, из которых работало обыкновенно не более половины. Это создавало настоящую свалку и неразбериху: бойцы расталкивали друг друга, пробиваясь к рабочему крану, чтобы зачерпнуть немного воды в ладони. Очень скоро так Родионов и ещё многие другие солдаты стали просыпаться за час до подъёма и шли умываться, бриться, подшиваться, а затем спокойно досыпали своё, уже не заботясь ни о чём.

В семь утра рота обыкновенно уже стояла возле столовой. На завтрак отводилось полчаса, но этого не хватало, потому что всегда здесь выстраивалась длинная очередь из подразделений. Для солдат это место стало неким подобием курилки, когда они ненадолго предоставлялись самим себе.

– Есть только две вещи у солдата, которые ему принадлежат в действительности – это его сон и обед! Помните это, ребята, – делился рассуждениями Шариков.

– Шарик, ты чего нас вообще учишь, сам-то неделю в армии! – смеялись все кругом.

Первые ряды подразделений перед столовой обыкновенно стояли спокойно и тихо, потому как дежурный по полку находился тут же, но дальше в глубине строя уже не было никакой видимой дисциплины. Разговоры здесь, не превышая допустимого уровня шума, не прекращались и велись между курсантами разных взводов, рот, даже полков. Здесь происходила всевозможная торговля, бартер, заключались соглашения, заводились знакомства и распространялись слухи. Родионов, как и все прочие, использовал эту возможность расслабиться и почувствовать, будто бы он, как и прежде, простой парень, болтающий на улице с друзьями. Как бы там ни было, а его влечение к военному делу всё более ослабевало с очередным скуч-

ным днём, и, прежде настроенный на строгое соблюдение всех правил и устава, он всё чаще находил удовольствие в простых солдатских дурачествах.

Наконец из столовой выходило подразделение и становилось в стороне, дежурный по полку, поглядывая за дисциплиной, делая замечания разнузданным солдатам и их начальникам, командовал входить следующей роте, и тогда его голос звучал как музыка для проголодавшихся новобранцев. Снимая на ходу мокрые от пота и грязные кепки, курсанты с радостью устремлялись в столовую, в то самое место, где ещё какие-то минуты были только их, и больше ничьими. Радость эта, однако, довольно быстро исчезала, поскольку пища там едва ли была вкусной, хотя так и могло иногда казаться, и, разумеется, она была вовсе не такой, какой ей полагается быть по всяческим установленным нормам.

– Снова эта дрянная баланда! Сейчас бы яишенку с беконом или колбасками... – ругался обычно Кириллов за столом, незаметно протестуя и размазывая странного вида кашу по тарелке. Все были с ним согласны и молча кивали, не отвлекаясь, однако, на разговоры. В любую минуту короткий завтрак мог закончиться.

– Не трави душу, у меня после наших завтраков в животе сверлит. Надо, думаю, попасть в «чепок», – отвечал один только Прокофьев.

– Что, как? Деньги есть? – тут же кто-нибудь за столом, или даже за соседним, вступал в их разговор.

– А мне ещё больше есть хочется после завтрака. Когда в животе и нет ничего, то понятно, а как закидал неизвестных харчей, только раздражил, так и хуже, – говорил большой и плотного сложения Нефёдов. Ему все особенно сочувствовали, потому что каждый прошедший день уносил с собой его килограммы, а вместе с ними и его впечатляющую физическую силу.

Завтрак в полку состоял всегда из какой-нибудь скверной каши, пряника или печенья и чашки чая. Иногда чай заменялся неким подобием какао, которое заваривалось на воде и имело лишь слабый привкус шоколада. Грубые некрасивые женщины из посёлка, обслуживающие столовую, не шли ни на какие уговоры и не накладывали больше положенного, а только ругались в ответ на подобные просьбы. Солдаты рассаживались и тут же приступали к еде. Сержанты, имея возможность в любой момент сходить в полковой магазин и пообедать там, не слишком интересовались питанием в столовой. Они неспешно съедали пряник, запивая чаем, наблюдали за тем, как жадно новобранцы справляются с пустой пищей, и очень скоро поднимали взвода. Происходили иногда совершенно нелепые случаи, когда первые бойцы во взводе доедали, а последние только садились завтракать. Тем не менее, звучала команда, и все поднимались с мест. Те, кто не успевал, доедали на ходу, пока шли сдавать посуду, закидывая пищу в рот целыми ложками и глотая, не жуя.

После завтрака первый взвод уходил, не ожидая остальных. Рота собиралась в казарме или на плацу. В подразделении солдаты брали все необходимое для нового дня, занятий, а затем шли на утреннее построение. Танковый полк строился несколько позже пехотного. Командир танкистов подполковник Куандыков прибывал всегда вовремя, ни минутой позже, и любил громкое приветствие. Сержанты и офицеры знали об этом, поэтому заставляли солдат кричать изо всех сил. Утреннее построение могло длиться от пятнадцати минут до часа, после этого подразделения расходились по занятиям.

Это должны были быть действительно занятия по разным предметам, по своему замыслу превращающие недавних студентов и лодырей в настоящих военных специалистов. На первом этапе была строевая и общественно-государственная подготовка, затем медицинская, инженерная, радиационно-химическая, а ещё позже огневая и тактическая. Часть подготовки должна была подковать солдата нравственно – взрастить в нём любовь и уважение к своей родине, напомнить ему уроки истории, убедить его в ценности того, что он защищает. Другие части обучали военному делу – оказывать первую помощь, транспортировать раненых и прочему, разбираться в минно-взрывном деле, правильно обустройства окопы и блиндажи, преодолевать

инженерные заграждения и препятствия. Ещё часть подготовки посвящалась радиационной защите, обращению с химическими элементами, обнаружению и противодействию химическим угрозам. На тактической и огневой подготовке солдат собирались учить правилам общевойскового боя, тактике действий мотопехотных и затем танковых подразделений в составах роты, взвода, отделения, тройки, различиям тактики при обороне и наступлении, познакомиться с вооружением и порядками различных иностранных армий, обучить основам баллистики, стрельбы и обращения с различными видами вооружений.

Не стоит говорить, что подобная программа подготовки обширна и невероятно сложна, в особенности из-за того, что она должна осваиваться людьми, прежде не занятыми в военном деле и в самый короткий срок. Более того, она подразумевает глубокое понимание её значения, необходимости её изучения, а это понимание, пожалуй, невозможно привить и объяснить, к нему можно прийти лишь самостоятельно, со временем или с опытом. Однако не менее важным обстоятельством во всём обучении является широкое и полное знание предмета преподавателями. И если некоторые новобранцы вполне осознавали важность приобретаемых ими знаний, имели некоторые способности и даже как-то стремились к обучению, то преподаватели в свою очередь полностью проигрывали эту партию. Вместо первоклассных офицеров-наставников, коими должны становиться служаки в военных академиях, полк располагал юными, ничего не осознающими лейтенантами, вышедшими неделю назад из училища, либо старыми матёрыми офицерами-карьеристами, не заинтересованными ни в чём, кроме того только, чтобы служба была наименее обременительна. Сержантский состав, которому зачастую приходилось вести занятия, состоял из единственного контрактника Курилова, что по науке был страшно глуп, хотя и в чём-то опытен, а также из полугодичников, в своё время претерпевших то же самое гадкое обращение и неумелое обучение. Курилов пару раз в яростном воодушевлении бросался учить танкистов пехотной тактике, напрягая память, но очень скоро ему это надоедало, и он заговаривал о славных былых временах своей срочной службы, когда люди были сильнее, солнце ярче, а трава зеленее. Младшие сержанты, ленивые, уставшие, считающие только время до увольнения и наполнявшие службу насколько это возможно развлечениями, не были способны чему-либо обучить курсантов, да и не стали бы ввиду своей беспечности. Подходящим проявлением безграмотности и недалёкости офицеров стали постоянные пропуски занятий вообще. В начале дня только лишь создав видимость учебной деятельности для старших начальников, после одной-двух проверок из штаба полка, о которых заранее кто-либо по-товарищески предупреждал, командиры рот отдавали приказы возвращаться из учебного корпуса в расположения и приниматься за хозяйственные работы.

В примерно таких обстоятельствах приобреталось образование и понимание военного ремесла новым поколением. Если какие-то знания и усваивались солдатами, то они скорее были получены из многих несвязных обрывков рассказов, по большей части юмористических армейских историй, были почерпнуты в попавшихся случайно под руку военных учебниках, чем приобретены на занятии или в ходе тренировки. Сложно представить эту огромную, созданную ленью и косностью командиров пропасть между настоящим военным специалистом и теми людьми, которые выходили из учебных частей. О существовании этой пропасти знали и раздумывали лишь некоторые, но они не желали, или не считали возможным сделать что-либо для её устранения. А пока что в эту бездонную пучину безграмотности год за годом, поколение за поколением, скатывалась вся военная диаспора со своей наукой, стягивая следом и обороноспособность страны.

Завершением трудового или весьма праздного, но одинаково изматывающего дня был ужин, в ходе которого повторялся базар около столовой, невкусная пища и ругательства последних солдат во взводе, не успевших прикоснуться к еде. Затем рота возвращалась в расположение и, если день прошёл без больших провинностей, солдатам позволялось один час заниматься своими делами. Это свободное время было незначительно, поскольку оно уходило

на помывку, чистку обуви и одежды, подшивание и прочие бытовые нужды. Рота рассаживалась на центральном проходе, и сержанты включали телевизор. Курсанты жадно, с удовольствием следили за всем происходящим на экране. Полная общественная изоляция оказывало известное действие, и скоро всё, находящееся за забором и не имеющее камуфляжной окраски стало танкистам казаться необычайно привлекательным и любопытным.

В девять часов вечера начиналась вечерняя поверка, то есть пересчёт личного состава. Оба полка выстраивались на плацу бок о бок, а Куандыков с пехотным полковником живо беседовали, ожидая докладов. После короткого совещания офицеров полки замирали по команде «смирно» и исполняли гимн под спуск флага. Куандыкова и его коллеги к тому моменту уже не было, они исчезали сразу после беседы с офицерами: прыгали в автомобили и на большой скорости уносились вон из части. Подразделения расходились по расположениям, задерживались у подъездов на перекур, если не были наказаны, и принимались готовиться ко сну.

– Рота, отбой! – командовал вскоре мерзким голосом лейтенант Кутузов, год как окончивший танковое училище. Для многих казалось удивительным, что он мог пройти медкомиссию, в частности психиатра, потому что порою его длительные помешательства доходили до предела бессмыслицы.

Кутузов был высокий и статный молодой офицер, не так давно ему стукнуло двадцать три. Он был всегда коротко острижен, с завивающейся в кудри челкой, без малейших признаков бороды или усов. Он жил в офицерском общежитии в полку, совершенно один, проводил досуги за компьютерными играми и кино, выходил в город редко, решительно ничем не интересовался и был вполне доволен собой. Тем не менее, он всегда безупречно выглядел и кое-что знал о танках и тактике, но едва ли об этом можно сказать нечто большее. Хотя он и считался по штату командиром второго взвода, вряд ли ему кто-то доверил более ответственное поручение, чем проводить типовые занятия или руководить отделением солдат. Даже его взводные сержанты Фоменко, Старцев или Логвинов были гораздо способнее его и пользовались большим уважением курсантов. Неприятной особенностью Кутузова, о которой знали и все офицеры полка, были периодические помешательства ума, проявляющиеся в различных бредовых речах и указаниях, а подчас и в буйных душевных всплесках. Как-то раз он вызвал дневального к себе, завидя в канцелярии таракана.

– Он – враг, угрожает безопасности личного состава. Принеси мне его голову! –скомандовал Кутузов дневальному, и тот с округлыми от удивления глазами отправился охотиться на тараканов со штык-ножом. Несколько раз в тот день Кутузов выходил контролировать ход охоты, а вечером принял в качестве отчёта восемь подсохших тараканьих тушек.

– Играем в три скрипа, рота! Если услышу, как вы там возитесь, будем снова подниматься и тренировать отбой! – кричал вечером, прохаживаясь по центральному проходу, Кутузов, остававшийся ответственным офицером в роте.

Солдаты спешно укладывались и замирали, затаив дыхание, не издавая ни звука. Всё же, несмотря на их усилия, старые кровати и пружины скрипели, а Кутузов внимательно прислушивался.

– Раз... Два... – разгуливал он по проходу, считая, и в редчайших случаях он не слышал третьего скрипа и не поднимал роту.

Часто после отбоя Родионов лежал на своей койке возле окна и, если не было опасности попасться сержанту или офицерам, слушал радио в наушниках. Славный, бодрый голос диктора, его пустая болтовня и даже самая примитивная музыка – всё это было подобно дуновению морского бриза в знойный день, так истосковался молодой солдат за короткий срок службы по всему искреннему, человеческому, прекрасному. Это простое радио с его маленькими страстями и несерьёзными проблемами напоминало Михаилу о том уже позабытом, недостижимом мире, который существует где-то параллельно его нынешнему миру, закрытому, бездушному, раскрашенному в защитные цвета. Михаил рисовал в воображении образы своих гульбых

друзей, которые где-то там сейчас, не беспокоясь сильно за него, живут насыщенной и красочной жизнью, бродят по ночам под звёздным небом, напиваются до чёртиков и балагурят, радуясь каждому мгновению. Ему иногда казалось, что он слабый и безвольный человек, потому что он сильно скучал по всему этому, потому что ощущение, что он больше никогда ничего подобного не испытает, висело над ним и пугало. К этим воспоминаниям, мыслям, этому глотку свежего воздуха он стремился каждый день, всё думал и ждал, пока наконец уляжется в постель, закроет глаза, и диктор напомнит ему о том, как было здорово жить.

А пока что он выключал радио и вынимал из ушей наушники, чтоб не уснуть с ними, ведь Дубовиков мог проснуться рано утром и пройти по кубрикам, собирая у спящих курсантов наушники «в урожай». Так Гуреев лишился недавно своих, и затем был вынужден их выкупить у сержанта за несколько шоколадок.

То короткое время, прежде чем сон окончательно одолевал его, Михаил глядел в окно на глубокое тёмное небо, далёкие яркие звёзды. Пылливый пылкий ум никак не давал ему покоя, и Михаил думал тогда обо всём подряд, о многих вещах, в которых ничего не понимал, но очень хотел бы разобраться. Он размышлял о жизни, о времени, о своём месте в этом мире, о месте известного нам мира в бесконечности вселенной. Он смотрел на ослепительную белизну звезды и грустил оттого, что никогда не узнает, что это за звезда, где она находится и что там на ней происходит. Он понимал, что ещё прежде до него эта далёкая звезда светила по ночам, и ею любовались многие люди со всех концов земли. Арабы, азиаты, африканцы и индейцы, все смотрели на неё, и прежде на этой кровати лежал какой-нибудь солдатик и также смотрел на эту звезду, и она смотрела на него, а теперь вот он, Михаил, смотрит. Через десятки лет его не станет, а звезда всё так же равнодушно будет светить загадочным холодным блеском. Он видел сотни таких звёзд даже через одно окно, и приходил в отчаяние. «Какой смысл во всём окружающем, во мне, в том, что делаю, о чём мечтаю, если я такая маленькая и бессильная крупица в огромном мире?» – спрашивал молодой человек, прекрасно понимая, что ответа никогда не будет.

– Можете мне поверить, я знаю тысячи способов вас «задрочить»! – злобно кричал разъярённый Курилов, расхаживая перед строем. Он был как обычно с обнажённым торсом, весь в поту после отжиманий на брусьях и, довольный собой, показывал курсантам огромные двойные бицепсы, тускло поблескивающие в слабом свете казарменных ламп. Девяносто испуганных мальчишек стояли против него неподвижно, затянув ремни и задержав дыхание.

– Я эту школу прошёл, – продолжал Курилов, – ваши офицеры, сержанты прошли, все проходят, и вам предстоит. Это очень хорошо работает, вот увидите. Если солдат не понимает с первого раза, ему ещё раз говорят. Не понимает со второго, третьего раза, тогда уже он поймет только через физические упражнения, так гораздо быстрее доходит. Когда побегаешь по километру каждый раз, поприседаешь, очень быстро схватываешь, что от тебя требуется. Если и так не доходит, конечно, м-да... Это тяжело. Значит солдат совсем тупой, нужно просто вдолбить ему в голову. Все правильно говорю, Логвинов?

– Так точно, товарищ старший сержант! – соглашался Логвинов, проглатывая внезапно возникший комок в горле.

Курилов, следуя собственным представлениям об идеальном военнослужащем, невесть как ненавидел слюнтяев, сопляков и всех подобных, к коим относил и двоих сержантов – Логвинова и Толстова. Он их при каждой встрече дразнил и подначивал, выдумывая без устали какие-нибудь новые изощрённые штуки и словечки. Оба неудавшихся сержанта прекрасно знали, что любое внимание к ним со стороны Курилова означает неприятности.

– А теперь, рота, особенно первый взвод, поскольку вы сегодня отличились, будем заниматься разными увлекательными упражнениями весь оставшийся день, до ужина. Вопросы есть? Башмаков, у тебя есть?

– Никак нет, – слабо отвечал раскрасневшийся Башмаков. У него вновь появились мозоли на ногах, спустя всего пару дней как он отходил неделю в резиновых тапочках и поправился.

– Хорошо, Башмак, молодец! Вижу результат, – говорил Курилов.

Ещё с полминуты он прогуливался вдоль строя, рассматривая новобранцев, широко и хищно улыбаясь. Солдаты стояли перед ним выпрямившись, неподвижно, дабы не вызвать ещё большего его неудовольствия, и только взгляды их бегали быстро-быстро, обращаясь то на Курилова, то на какую-нибудь маловажную часть их казарменной обстановки.

– Рота, газы! – внезапно командовал контрактник, и все девяносто человек устремлялись к полкам со снаряжением.

Кое-как, падая, сбивая друг друга и наступая один на одного, солдаты хватали с полок что попало и неслись обратно в строй, на бегу натягивая противогазы. Сумки, запасные стёкла и фильтры, бирки с именами – всё летело в этом бедламе в разные стороны. Самых медленных бойцов криками и пинками подгоняли всей ротой. Ими были, как и всегда, Андросов из третьего взвода, Башмак из первого. Когда, наконец, они, тяжело дыша, занимали места в строю, Курилов недовольно качал головой.

– Слишком медленно, половина роты погибла! Отбой газы! Противогазы уложить, – командовал он снова, и вся кутерьма возобновлялась. Когда, наконец, противогазы были убраны и уложены, рота снова строилась на проходе.

– Какие же вы медленные! Будь я таким медленным в своё время, мне бы жизни не дали! – кричал Курилов, – А теперь всё с начала и вдвое быстрее! Становись! Рота, газы!

Приятной неожиданностью, конечно, для новобранцев стало отсутствие как таковой злобной и беспощадной дедовщины старослужащих, ко встрече с которой каждый из них готовился. Однако вряд ли кто-то мог предположить, что освободившееся место одних армейских бесчинств обязательно заполнится какими-нибудь новыми. Таким заполнением, как вскоре выяснилось, стало некоторое воздействие на новобранцев физическими и прочими упражнениями, или «воспитание». Это «воспитание» существовало и раньше, в Советской Армии, но настоящую популярность оно обрело лишь в то время, когда армия стала относительно открытой для общественного наблюдения. С некоторых пор средства связи и технического контроля позволили устанавливать и расследовать большую часть проявлений неуставных взаимоотношений, так что после многих печальных случаев осуждения военнослужащих издевательства, побои и унижения стали прекращаться.

Однако «воспитание» получило колоссальное распространение и, может быть, стало проблемой серьёзнее, нежели злобная и страшная дедовщина в прошлом. Изошрённой изобретательности и жестокости многих приёмов и упражнений порою поражались даже сами начальники, применявшие к подчинённым похожие средства. Тем не менее, всё происходящее кое-как вписывалось в рамки устава, иногда это можно было оправдать учебной программой, занятиями, а потому за редкими исключениями командирам всё сходило с рук.

Совершенно обычным и привычным видом изошрений стали приседания, стояния в позиции «полтора», которые представляли собой положение с прямой спиной на полусогнутых ногах, с вытянутыми вперёд руками. Добавкой к этому испытанию зачастую становилась тумбочка, которую солдатам приказывали держать, обняв, или табуретка, удерживаемая на вытянутых руках, затем противогаз и вещмешок с грузом за спиной. Другим видом упражнения являлось стояние в упоре лёжа, отжимания под счёт сержанта, также с прохождением уровня «полтора», с продолжительным стоянием в «полтора». Дополнением к тому мог стать противогаз, от которого дышать становилось ещё тяжелее, от которого часто появлялось чувство тошноты, спертости дыхания, головокружения. Одним из любимых упражнений офицеров на марше, за территорией полка был бег с исполнением команд «воздух», «вспышка». В таких случаях взвод или рота, слышав команду, бросалась врассыпную с дороги и падала

на землю. Большой охотник до «весёлых штучек», лейтенант Кутузов всегда в случае маршей в дождь командовал «вспышку». Он старательно выбирал место погрязнее. Когда новобранцы плюхались в бурюю размоченную няшу, пригибая головы, Кутузов проходил между ними и наступал на тех, кто, как ему казалось, не слишком сильно прижимался к земле и мог быть «убит».

– Всё, ты убит! Плохой солдат! Будешь отжиматься в казарме, – так и заключал Кутузов и проходил дальше к другому бойцу.

Всегда любой марш, совершаемый первым взводом с Дубовиковым, включал в себя довольно длительное передвижение гуськом, с выпрыгиванием из этого положения в полный рост и хлопками в ладоши. Это являлось одним из элементов физической подготовки по наставлению, и это упражнение, в общем-то, всегда можно было оправдать перед полковым начальником. У Дубовикова даже имелся любимый участок на пути к танковой директрисе, пролегающий через редкий лес. То была неровная и извилистая широкая песчаная тропа. Она не просматривалась ни с одной из сторон, и это было печальным обстоятельством для курсантов. Под палящим солнцем, в плотных кителях, пробегая километр с тяжелыми ящиками, затем передвигаясь гуськом, новобранцы изнывали от усталости и жары, держались друг за друга, опирались на лопаты, грабли, когда возвращались с хозяйственных работ, и даже ползли на четвереньках, однако это не слишком облегчало их испытания. В такие изнурительные минуты каждый в строю проклинал этого мерзкого сопляка Дубовикова, что шёл рядом и окриками подгонял обессиленных солдат.

– Скажите спасибо Башмаку, это из-за него вы теперь тут ползаете! – твердил Дубовиков, или ещё – Благодарите Кириллова за его длинный язык, пусть меньше болтает!

Старший сержант Курилов, пожалуй, мог заслужить уважение солдат, потому как иногда проявлял спортивный интерес и сам участвовал в тренировках. Раз или два, когда взвод опаздывал на обед, было принято совместное решение устроить забег от директрисы до полка, что составляло порядка шести километров. Курилов всё это время бежал вместе с бойцами, и это весьма впечатлило многих курсантов. Однако этого было недостаточно, чтобы ими забылись все его прежние выходки и ухищрения. Курилов, как уже упоминалось, был старый и опытный служака, и он знал особенно много способов замучить солдата. Во время марша он всего лишь указывал «раненого». Он касался плеча одного из курсантов и говорил: «Назаров ранен в правую ногу», или «Кудряшов потерял обе ноги, но ещё жив, вы должны спасти его». Это означало, что названные больше не способны передвигаться самостоятельно и остальным нужно их нести. Вчетвером или втроем «раненых» поднимали и бежали с ними.

Как бы там ни казалось новобранцам, многие из подобных трудностей всё же шли им на пользу в том смысле, что закаляли и тренировали их характеры, делали менее восприимчивыми к тяготам и неудобствам предстоящей службы. Однако были и другого характера мероприятия, которые не могли оказать никакого положительного эффекта, а только лишь забавляли их зачинщиков. То были типично армейские, рождённые когда-то в условиях непреодолимой скуки и тоски увеселения, в которых шутами и клоунами выступали курсанты. То были ночные развлекательные наказания, которые проводились постоянно Дубовиковым, Фоменко, Старцевым, а чаще всего Мироновым. Последний был сам не свой до ночных игр. Провинившееся отделение, или даже целый третий взвод выстраивался в кубрике после отбоя и вечернего обхода дежурного по полку. Сержант лежал на кровати, отдавал команды, а солдаты приседали, отжимались, пока другие рассказывали истории, анекдоты, ползали под кроватями в противогазах на скорость, держали тумбы, кровати, дули на лампы, «сушили попу-гайчиков». Последнее представляло собой продолжительное сидение на душке кровати. Бойцы часто засыпали и падали с шумом, бились головой о кровать, табуреты, пол. Тогда сержант просыпался разъярённый и принуждал к ещё более утомительному занятию неудавшегося бойца, или всё его отделение.

Порою имели место совершенно особые наказания. Так, пойманные с едой в расположении вынуждены были поедать оставшееся лакомство, закусывая зубной пастой. Порою вместе с одним попавшимся таким образом наказывали всё его отделение. Забывшим мыльницу в туалете или в бане бойцам сержанты приматывали её скотчем к руке и требовали ходить так несколько дней. То же самое ввиду особого отношения в армии к казённому имуществу происходило с головными уборами. Забытые кепи с явным удовольствием приматывались сержантами к головам бойцов, а забывшие кепи во второй раз после этого всюду ходили в боевых стальных шлемах. В исключительных случаях, когда служба у бойца совсем не задавалась, ему к рукам привязывали шестнадцатикилограммовую гирию, и так он разгуливал всюду: ходил в строю по плацу, мылся в бане, ел кое-как в столовой. Когда какое-либо подразделение встречало такого бойца на улице, ему все дружно аплодировали. Точно так же аплодировали и встреченным в ОЗК бойцам. Эти костюмы изредка служили для занятий по РХБ подготовке и гораздо чаще для наказаний. В условиях летней жары, одетые в плотные кители и данный костюм, бойцы за день худели на несколько килограмм. В отдельные дни, когда полковые начальники отсутствовали в части, по плацу совершались пробежки в ОЗК целыми группами неудавшихся бойцов. Тогда вокруг них собирались зеваки и весело хохотали. Обыкновенно забегами в ОЗК наказывали злостных туалетных курильщиков. Курильщики, которым первые две недели сержанты вообще не давали курить, ставили «фишку» у входа в туалет и быстро курили в окно, но почти всегда сержант входил и чувствовал запах. Потому постоянно Родионов, проснувшись посреди ночи и направляясь в туалет, от неожиданности пугался, завидя троих-четверых бойцов в ОЗК и противогазах. Фоменко или Миронов сидели на табурете здесь же, разъяря провинившимся свою правду, а бойцы совершали уборку, или приседали с гириями. Когда на следующий день Родионов встречал одного из этих солдат вновь в туалете с сигаретой, он с изумлением спрашивал:

– Неужели тебе не достало вчерашнего опыта?

– Курить хочется, что поделать... Сержантов, кажется, нет в роте, – отвечал тот. Сержанта, конечно, не было в роте в тот момент, но сержант вскоре появлялся, чувствовал запах, и всё повторялось.

Другим средством борьбы с курением была печально известная «трубка мира». Это дьявольское изобретение больного ума являлось простой снятой с кровати железной душкой. В отверстие с одной стороны сержанты вставляли с десяток крепких сигарет «Святой Георгий» и поджигали, а с другой провинившийся боец вдыхал дым. После первой же затяжки почти всем становилось плохо, хотя кое-кто отваживался на три-пять затяжек. После подобного лицо бойца обычно бледнело, его тошнило и рвало целые сутки, а желание курить пропадало на неделю. Первым опробовавшим «трубку мира» стал молодой Прокофьев. Он был уверен в своих силах и задумал ради всеобщего удивления выкурить весь десяток забитых в душку сигарет. Однако его хватило ненадолго, лицо его тогда вмиг приобрело зелёный оттенок, а через пять минут он уже в туалете проклинал весь свет.

Порою Родионов, проходя по казарме, видел, как кто-либо из бойцов стоял у стены, обняв её руками.

– Что ты делаешь? – спрашивал поначалу Родионов.

– Кубрик держу, – отвечали ему.

Башмаков, из Москвы, который был глупым и несносным малым, совсем юным и ничего не понимающим в происходящем, не способным делать выводы из своих проступков и наказаний, встречал чаще остальных. Именно ему выпала честь чистить унитаз зубной щеткой, а в дальнейшем и дрелью с примотанным к ней ёршиком. Для того он протянул удлинитель из коридора в туалет, надел перчатки, а Фоменко откуда-то принёс ему маску сварщика. Посмотреть на то зрелище собралась страшная толпа зевак, а слух об этом разнёсся далеко за пределы полка.

«Формулой один» назывался весьма трудоёмкий аттракцион, в ходе которого выделялись несколько команд, были гонщики и болиды, трассой служил центральный проход, а суть состояла в том, что один боец берёт другого за ноги, становясь пилотом. Тот, которого держат, одевал на руки резиновые солдатские тапки и становился болидом, ему предстояло бежать на руках как можно быстрее, а сзади его подгонял пилот. На другом конце прохода тапочки у «болида» менялись, что называлось «сменой резины», и заезд продолжался. Это зрелище было массовым и настолько абсурдным, что зачастую развлекало даже самих новобранцев, но, как правило, лишь тех, кто не участвовал и наблюдал за ним со своих кроватей.

Лето в том году во Владимирской области стояло жаркое. Ранним утром солнечные лучики озаряли высокие кроны деревьев, прогоняя вместе с ночной мглой и приятную бодрящую прохладу. Уже скоро, к полудню становилось душно, потрескавшийся асфальт раскалялся, и всюду над ним потяжелевший воздух искажался от жара. Всё живое тогда устремлялось к тени, к ещё немного сохранившим прохладу густым лесам, пряталось в кусты, траву, в землю. Лишь невесомый ветерок одиноко блуждал среди нагретых стволов сосен. Этот ветерок был частью знойного пейзажа, он не освежал и только поднимал вверх клубы пыли да жухлую траву. Дождь тогда был редким и скоротечным, лишь несколько раз за лето он становился проливным и занимался на долгие часы. Во все остальные засушливые дни округа выглядела безжизненной, уснувшей.

Подобный летний пейзаж, имеющий своеобразную чарующую красоту и, как бы там ни было, всё же заключающий в себе радостное торжество новой жизни, составлял, однако, громадную разницу с тем настроением, в котором пребывало большинство новобранцев. Печаль и тоска чувствовались всюду. Причиной тому в первую очередь были различные болезни, связанные с новым военным образом жизни и охватившие едва ли не каждого новобранца. Изможденные физически неудобства армейского быта, недостаточностью питания и сна, издевательствами недалёких командиров, находящиеся в новой обстановке, не сталкивавшиеся прежде с подобными лишениями и строгой дисциплиной, курсанты подвергались колоссальным нагрузкам и как никогда были ослаблены, уязвимы пагубному воздействию внешних сред и заболеваний. Увы, даже искреннего желания и рвения исполнять службу, интереса и увлечённости было недостаточно для того, чтобы превозмочь множество выпавших трудностей. Обвинения офицеров и сержантов, когда-то прошедших через всё то же самое, в отсутствии стойкости и крепости характеров солдат постоянно озвучивались, но всегда были крайне несправедливы. Для всего этого нужна была единственно привычка, разительно простая, суровая, солдатская привычка, которая вырабатывается обязательно у каждого военного, но не иначе как со временем.

Трудно описать все те процессы и превращения, которые происходили в организмах, головах молодых солдат первое время. Они все вызывали заболевания, многочисленные и разнообразные, порою пугающе серьёзные, потому сопровождающиеся эмоциональными всплесками, даже паникой, а в некоторых случаях перетекавшие в хандру. На вторую неделю казарма первой учебной танковой роты так превратилась в подобие госпиталя. Виной всего первоначально была простуда, которая теперь распространялась повсеместно. Новобранцы кашляли и чихали, сопели и отхаркивались, а ночью то становилось невыносимо, поскольку мешало спать всем.

– Дайте уже поспать! – ворчал недовольно Гуреев, укрывая голову подушкой, но спустя несколько дней сам чувствовал недомогание, боли в горле, и начинал кашлять.

Многие курсанты уже к тому времени сильно хромали. Жесткие армейские ботинки с толстой подошвой носить возможно было лишь натерев ими не одну мозоль, когда кожа на проблемных местах становилась грубой и плотной, привыкшей к подобной обуви, либо когда обувь изнашивалась и становилась мягче. До тех пор мозоли были сущим бедствием.

За несколько дней они проходили все возможные стадии – от небольшого волдыря до протёртой насквозь до кости раны. Курсанты боролись с тем изо всех сил, подкладывали вату и бинты на кровоточащие мозоли, надевали несколько пар носков, клеили пластыри, но все усилия были тщетны, раны не успевали заживать, а если успевали, то ноги стирались снова до крови. Тому способствовали ежедневные марши до танковой директрисы и стрельбищ, воспитательные забеги и хождение гуськом. В нескольких случаях начинались инфекции, заражения, и тогда новобранца передавали в медицинский пункт полка – МПП. Один такой случай изрядно напугал всех полковых офицеров, а простых бойцов привёл в замешательство. У некоего Р*** в третьем взводе врачи из госпиталя заподозрили гангрену на ноге, а это могло стать роковым случаем для карьеры многих начальников. Р*** тогда немедленно отправили в окружной госпиталь, где за него тут же принялись должным образом тамошние врачи. Ему, по слухам, кололи по шесть уколов в день, давали витамины и разные лекарства. После полуторамесячных процедур боец, утомлённый и сбитый с толку подобным стечением обстоятельств, возвратился в полк, потрясая товарищей рассказами о своём лечении.

Никто из молодых солдат прежде не имел больших проблем со здоровьем, все они призывались как годные без ограничений к военной службе. Совсем юные, в большинстве своём ведущие на гражданке праздный образ жизни, они мало сталкивались с важными и серьёзными вещами и не могли представить, насколько отвратительными и гадкими могут быть заболевания. Многие испытывали страх перед этими неизвестными явлениями, происходящими с ними, но, тем не менее, никто не стремился попасть в МПП, пролежать там пару недель, тем самым дав своим болячкам возможность зажить, а заодно избежав утомительных походов на директрису, рабочих задач и «воспитания». Причиной тому стало небрежное и оскорбительное отношение сержантов и офицеров к больным, а также некоторые подробности, известные об этом месте. Лежавших в МПП солдат после лечения называли унизительно «каличами», наказывали чаще всех прочих и постоянно приводили в пример как неспособных нести службу, быть действительно мужчинами. Одним из первых курсантов роты в МПП был Сименченко, Грбовщик, лежавший около недели с простудой, по возвращению собравший вокруг себя толпу любознательных зевак.

– Лучше умереть в казарме, чем полечиться там, никому не советую! – рассказывал он. – В субботу после ПХД, когда помыли полы, нас всех, больше тридцати человек, поставили в упор, даже самых каличей, которые там с пневмонией лежат. Сержант один, из пехоты, говорит: «Будем играть в „Угадай мелодию“!» Разделил всех на две группы, кто слушает русский реп, и кто не слушает. Потом включает музыку на телефоне, кто угадывает песню – встаёт, а остальные стоят дальше в упоре. Так и развлекался с друзьями своими, потому что делать там нечего больше. Всё остальное время мы работали, носили что-то, ремонтировали, или просто сидели на табуретках возле кроватей: лежать нельзя, только сержанты лежали.

Сименченко рассказывал о многих гнусных выдумках сержантов, и слушатели лишь охали. После толпа расходилась, и все облегчённо вздохнули, радуясь, что не оказались на лечении. Ещё не так давно желающих отдохнуть и поваляться в больничке было великое множество, теперь же их число стремительно уменьшалось.

– Как-то пришёл ночью командир полка, Куандыков, – говорил другой раз Сименченко. – Пьяный, расстёгнутый, без фуражки, залетел на второй этаж, приказал строиться. А до того была история, в пехоте один съел шуруп, пришёл в МПП с болями, его на рентген, ну и просветили. Куандыков увидел его в строю, заорал: «Ах ты сволочь! Решил закосить! Ты у меня, сука, сожрал один, а три высрешь!» Подскочил к молодому, а тот дрожит, боится. Куандык собирался ему вмазать, должно, да нельзя. Тогда в упор его поставил, потом всех остальных, начал прокачивать. Через минут десять пришёл начштаба и всё прекратил. Но мы тогда перепугались до жути.

Толпа вокруг него суетилась, с удивлением обсуждая услышанное.

– Они как трупы там, – заключил возвратившийся несколько позже из МПП Кормилицын, когда его обступили. Поскольку Кормилицын сам походил на привидение, после таковых его слов это зловещее место окончательно обрело свою репутацию.

Почти каждый новобранец, таким образом, предпочитал болеть и заниматься самолечением, хромать и терпеть до последней минуты, пока уже становилось невыносимо ходить, или когда заболевание оказывалось серьёзным. Всё это порою представляло жалкое зрелище – почти целая рота больных солдат, хромых, кашляющих, с плетущимися в шлепанцах в задних рядах «каличами». Однако ещё более жалкое зрелище представлял собой МПП с его одетыми в дурацкие пижамы, страдающими от издевательств и унижений пациентами. Особенно вид больничных пижам пугал Родионова, их он мог видеть, когда взвод проходил мимо МПП, а некоторые пациенты выносили какие-нибудь грузы на улицу из здания. Родионов также как многие хромал, большой палец у него на левой ноге был растёрт до мяса, кровоточил, и по вечерам Михаил со стоном отрывал грязный носок от подсохшей раны. Родионов обувал резиновые армейские тапки, и это приносило сладостное облегчение, потому как глубокая ноющая боль отступала, а оставалось лишь несильное неприятное покалывание в пальце. Масленников, который тоже страдал от мозоли, но меньше, подходил к товарищу с обеспокоенным видом.

– Что нога, лучше? – спрашивал тревожно он.

– Глянь, как? – Родионов шевелил окровавленным пальцем, – Что скажешь? И это всё от какого-то ботинка...

– В МПП не пойдёшь? У тебя тут кровячки столько... Дело серьёзное. И шрам останется.

– Пока терпимо. Пока не надо отпилить его. Мне что-то совсем не хочется в больничку. Там эти ходят бледные и несчастные.

– Так завтра, должно быть, снова на директрису пойдём. Как же ты будешь?

– Пойду как-нибудь... – отвечал Родионов, – Уж не могу я отправиться в больничку, не могу, не по мне такие штуки.

Он прекрасно понимал, что завтра опять придётся терпеть эту боль, идти вровень со всеми, чтобы не выбиваться из строя, и всячески делать вид, будто бы он в полном порядке. И неизвестно ещё, когда всё пойдёт на поправку, но он, Родионов, подчас гордый, как павлин, по-другому не мог. Он не мог представить, что какую-то часть своей службы проведёт на лечении, что его переоденут в эту идиотскую пижаму, а сослуживцы назовут «каlichem» и слабаком. И что потом он скажет своим друзьям, когда вернётся? Он не может оказаться в таком положении, это не для него!

– Да уж, так себе идут дела... – проговорил он, задумчиво глядя на свежую блестящую каплю крови, сочащуюся из раны, – Но всё-таки лучше я здесь.

Погода стояла превосходная. Отливающее цветастой голубизной небо без единого пятна облаков, перемежающееся у горизонта туманной дымкой, раскинулось бескрайним шатром в вышине, убаюкивающее всё под собой. Одинокий на небосводе ослепительно-золотой круг солнца держался низко над землёй и щедро одаривал округу пышными волнами жара. Над разогретой дорогой поднимался оттого увесистой стеной поток тепла, и скученный воздух весь иссох. Лёгкий, возникающий в глубинах лесных чащ ветерок иногда нагонял строй, поглаживал загорелые мокрые от пота шеи солдат и неслышно ускользал прочь.

Рота преодолела короткий участок леса, поднимая за собой непроглядные клубы пыли, тот самый участок, который обыкновенно солдаты преодолевали бегом, гуськом, ползком, вприпрыжку, но никак не обычным размеренным шагом. Настроение у всех было прекрасное и возвышенное, поскольку этот день обещал быть увлекательным и значимым. То был день первых стрельб из автомата, и рота в полном составе и вооружении направлялась к стрельбищу, что находилось в широком поле в пяти километрах от полка, между танковым огневым городком и директрисой. Курсанты в большинстве своём были взволнованны и заняты мыслями

о предстоящем деле, но многие шутили, смеялись, за что их наказывали пробежками вокруг строя. Всё же это никак не могло подорвать их хорошего настроения.

– Раз, раз, раз, два, три! Прямо! Рота! – бойко командовал Курилов, и солдаты отвечали ему четким шагом. Курилов также был в хорошем расположении духа, потому как предпочитал огневую подготовку любой другой. – У кого мой автомат?

– У меня, товарищ старший сержант! – отвечал ему Дубовиков, что шёл позади, смотрел за порядком во взводе и нёс автомат Курилова. Автомат Дубовикова нёс Гуреев.

Накануне этих ответственных стрельб, которых офицеры опасались, а солдаты очень ждали, в роте была проведена серьёзная работа. Солдат каждый день за неделю до того учили обращению с оружием, условиям упражнения по стрельбе, которое предстоит выполнить, но главным образом требованиям безопасности. Совсем недавно в одной из близлежащих частей произошёл трагический случай, который и взволновал командиров. После подобных стрельб из автомата учебная рота прибыла в расположение, и вскоре бойцы принялись чистить оружие. Один из солдат взвёл автомат и разрядил выстрелом, как то и положено делать перед чисткой. Однако он перед тем не отсоединил магазин, в котором остался ещё каким-то образом патрон. Вместо холостого щелчка раздался выстрел, и пуля угодила прямо в затылок другому новобранцу, что сидел впереди. Голову ему размозжило, и никаких шансов выжить у него не было.

Тем не менее, этот случай, о котором было подробно рассказано, дабы предостеречь курсантов от ошибок, не омрачил их мысли и духа. Родионов, улыбчивый и жизнерадостный, несмотря на усталость и гнетущую боль в ноге, по обыкновению шёл рядом с Масленниковым. Они беседовали тихо, но живо, и главным образом, конечно, о женщинах. О них всего более любил говорить Масленников, и тем любопытнее становилась эта тема для обоих, чем сильнее этих женщин недоставало.

– Подумать только, как быстро начинаешь ценить то, чего лишаешься. А ведь ранее совсем просто относился к этому, да и вообще ко многим вещам. Но теперь... Чего только стоит один горячий душ да сытный ужин с какой-нибудь очаровашкой! – рассуждал Масленников.

– Я бы много отдал и просто за красотку, можно без ужина. Мне много и не нужно от неё, посмотреть ей в глаза да услышать мягкий голос, лишь только не скверную мужицкую ругань, – отвечал Родионов.

– Они тебе не снятся?

– Что поделать, временами снятся, и в голову лезут. Неужели нам действительно придётся обходиться без женщин целый год? Трудно поверить...

– Рота, строевым, шагом марш! – командовал Курилов, завидя впереди командирский «УАЗ». Когда автомобиль почти поравнялся со строем, он снова скомандовал, – Смирно! Равнение налево!

То был автомобиль начальника штаба танкового полка Фастова. Ему всячески оказывали уважение, и не только за его должность и звание, но также за его строгий подтянутый вид, а также неплохие личностные качества. Рота прошла строевым, выполнив равнение, и все командиры вне строя выполнили воинское приветствие. Подполковник Фастов в автомобиле также выполнил воинское приветствие. Родионов тогда отвлёкся от разговора и задумался о воинской дисциплине, порядке, что делает толпу подразделением и вооружённую силу армией. Он задумался о строе, марше, и том, что всё это, окружающая обстановка, товарищи слева и справа как-то сами собой настраивают на размышления о патриотизме, долге, Родине и прочем, заставляют задуматься о многих сложных и взрослых вещах, без сомнения очень важных.

– Знаешь, мы уже похожи на солдат... – шепнул он Масленникову, осматривая себя и окружающих, – Другое дело в строю, с оружием, а не лопатами, с кое-какой дисциплиной

чем-то напоминаем военнослужащих, а не напуганных тупых овец, как в начале. По команде сержанта-пастуха беги туда, потом беги сюда, стой, сиди, ползи – всё какие-то глупости и непонятно зачем. А это уже похоже на что-нибудь.

– Да, сейчас немного лучше, чем в начале, но ты не спеши, нам ещё чего-то серьёзно не хватает, сноровки ли, привычки... Посмотри, здесь большинство из них думает только о том, как бы поскорее отстреляться и завалиться на боковую.

– Я и сам не против хорошенько выспаться, если честно. Но стрельба ведь тоже интересна!

– Тебе – да, а вот Башмаку какому-нибудь, или Буравцову ничего не нужно, – сказал Масленников и на несколько секунд задумался. – Ума не приложу, чего они поперлись служить и чем будут целый год заниматься?

– Так ты спроси их! – смеялся Родионов, – Эти двое, конечно, отдельная история. Что ещё произойдёт с нами по их вине?

– О, ещё много всего произойдёт и с ними, и с нами! Они оба окончательно безнадёжны, и зря ты возишься с Башмаком. Это грустно, конечно, но ему не помочь. Даже ты со всеми своими способностями и талантами не сделаешь из него человека.

– Ну, мы увидим. Пока это не слишком хлопотно, так что я пытаюсь.

Родионов призадумался. Он это слышал не в первый раз, и то была его личная забота. Когда-то в самом начале службы так случилось, что некоторое время он провёл бок о бок с Башмаковым и, ещё ничего не зная о предстоящих трудностях, сдружился с ним. Какое-то необъяснимое чувство долга вскоре возникло у Родионова по отношению к своему неряшливому и бестолковому младшему товарищу, и тогда он, ведомый исключительно благородными намерениями, стал всячески помогать Башмакову и присматривать за ним. Проявлялось то по-разному: то Родионов помогал советом, намёком, то физически на маршах, то обучал того некоторым аспектам военной науки. В конце концов Родионов просто пытался присматривать за внешним видом Башмака, потому как чаще всего это становилось поводом для наказания всего взвода. Однако подобные дела требовали усердия, времени и, самое главное, терпения, которого так мало может быть в энергичном молодом человеке. Всё более Родионов, спустя дни и недели не видя никакого результата приложенных значительных усилий, склонялся к тому, чтобы бросить начатое.

– Я и сам обо всём догадываюсь, – уныло говорил Михаил. – Устал я его тянуть, Башмака. Но что тогда, если я перестану? Дубик его совсем замучает, да и всему взводу будет доставаться больше.

Дубиком они называли Дубовикова, но только потому, что так было проще произносить, а вовсе не из тёплых чувств к сержанту. С минуту после этого друзья молчали, размышляя под размеренный шаг роты.

– Помнишь, как недавно Дубик нагрузил Башмака блинами от штанги? Сорок, или пятьдесят килограммов он нагрузил бедолаге в вещмешок. И тот так ходил целый час, – сказал Родионов. – Как доходяга Башмак это выдержал – загадка.

– Аж мешок затрещал, когда туда положили блины, а Башмак в полминуты пропотел, как в бане.

– А когда Башмак снова что-то выкинул, находясь даже в таком положении, и Дубовиков на него налетел с пинками и подзатыльниками, я думал, что это его конец. Мне было жаль его. И когда рюкзак его перевесил и он свалился на спину, а потом так лежал минут пять, постанывая и не в силах подняться, пока его не разгрузили, мне тоже было его жаль. Всегда его жаль. Ничего у него здесь не выходит.

– Остальные так не думают, потому что вкачиваются из-за этого балбеса каждый день. Уверен, многие из них ликовали.

– Пусть и так, но разве он сам виноват в том, что он такой дурак? – спрашивал Родионов.

– А кто виноват, по-твоему? Только дураки и виноваты в том, что дураки. И уж точно не мы. Вон они кругом, бери любого для примера, Шарика бери!

Оба друга оглянулись на бредущего в конце взвода Шарикова с сигнальными флажками, не поспевавшего за строем и не попадающего ногой в такт, с повисшими кое-как автоматом и бронежилетом. Шариков был городской оболтус маленького роста, с круглым лицом, изначально пухлый, но необычайно быстро худеющий. Он был хитрый дурак: постоянно учинял авантюры и на них же попадался, подставляя и весь взвод. Накануне стрельб в наряде по парку боевых машин он в очередной раз попался на своих проделках и довольно долго испытывал на себе гнев сержантов и офицеров. Сегодня он также в наказание получил бронежилет, шлем и должен был находиться вне строя с флажками регулировщика. Разумеется, он считал всё это несправедливостью и был до невозможности зол.

Родионов и Масленников, оглянувшись на него, хмурого, в свисающем почти до колен бронежилете и в болтающемся на голове шлеме, по-доброму рассмеялись, но так, чтобы не привлечь к себе внимания. Дубовиков находился довольно близко, многое долетало до его ушей, и он временами смотрел на строй с неудовольствием.

– Первый взвод, верно, хочет обратно бегом передвигаться после стрельбы, так вы этот забег обязательно получите! – говорил он.

– Мы и так почти всегда бегом... – шептали ему в ответ.

– Родионов, Масленников, заткнитесь, накликаете беду! – ворчал позади друзей Кириллов. Он, как и Шариков, постоянно подвергался истязаниям за свои провинности, а потому не любил наказания ещё и за чужие.

Когда вскоре рота приблизилась к танковому огневому городку – ТОГУ, за ним показались стрельбище и множество военных всюду. Офицеры роты там уже весьма деятельно готовились к предстоящим занятиям. ТОГ, между тем, тоже был занят подразделением пехоты, что собиралось проводить стрельбы из БМП.

Стрельбище представляло собой множество огневых рубежей, которыми были окопы для стрельбы из положений сидя и стоя, а также небольшие возвышенности для стрельбы лёжа с расстеленными на них плащ-палатками. Возле этих огневых рубежей были установлены лениво развевающиеся выцветшие красные флажки. За двадцать метров до них были установлены белые флажки, и это был подготовительный рубеж. Позади них было несколько учебных строений, пункт боепитания, смотровая вышка, кладовые и прочие. Всё это было надлежащим образом, по-военному отделано, но за продолжительное время крайне износилось, и местами в строениях недоставало стёкол в окнах, кирпичей в стенах, а в классах с потолка сыпалась штукатурка. Бурная деятельность здесь нынче занимала всех, офицеры сновали туда-сюда, отдавая указания, наблюдатели с биноклями располагались на рубежах и на вышке и докладывали о результатах стрельбы, хотя ничего не могли видеть с такого расстояния. Там же находились старшие начальники и выставляли оценки. За пару часов до этого стрельбу начала какая-то мотострелковая рота, но теперь она впопыхах собиралась, строилась и бегом выдвигалась обратно в часть. Судя по злобным выражениям лиц пехотных офицеров и их редкой, но гневной ругани, мотострелки отстрелялись неудачно и даже чем-то провинились.

– Если честно, я иногда думал, что в армии вообще не дают стрелять, – говорил Родионов Масленникову. – А тут, казалось бы, всё серьёзно, уже и снаряжение дали, и вот мы с оружием пришли на стрельбище, не может ведь это всё быть впустую!

– Не уверен, – отвечал Масленников. – Здесь всё может быть, и даже эти стрельбы в самый последний момент окажутся представлением. А если они взаправду, то они ещё могут оказаться первыми и последними, не забывай. Я слышал от многих, что за всю службу стреляют один раз. Может это он и есть?

– Рота, стой! – скомандовал Курилов, когда рота поравнялась с наблюдательной вышкой. – Повзводно к офицерам разойдись, сержанты командуют.

Сержанты повели взвода к офицерам. Началась вся та уже привычная новобранцам армейская суета, где сложно что-то разобрать, но в ходе которой дело как-либо движется к какому-нибудь завершению. Прошло с полчаса, прежде чем новобранцы вооружились и заняли свои места, офицеры и сержанты согласовали план и порядок стрельб и тоже приготовились. Первые восемь человек первого взвода, среди которых был и Родионов, стояли теперь возле пункта боепитания в бронежилетах, шлемах, с подсумками и штык-ножами, пристегнутыми к поясу. На плече у каждого из них был автомат, придерживаемый за ремень правой рукой, а в левой руке находился магазин с пятью патронами. Закованные в броню и с оружием, нынче некоторые из них выглядели грозно, как настоящие солдаты, хотя в сердцах многие были ещё юношами, по-детски беспричинно волновались и болели за удачный исход стрельб. Родионов, как и все, стоял неподвижно, не делая на всякий случай никаких движений, напряженный и решительный. Он сейчас был предельно возбуждён, и все его чувства обострились. Он слушал бессвязный инструктаж Бабенко, но слышал и как переговаривались шепотом двое солдат на вышке, как ветер гуляет там, впереди, среди высокой травы и редких кустов. «Вот он рубеж, затем второй, в двадцати метрах от меня, так близко. Дальше – огневое поле, или поле боя, как посмотреть, – размышлял в тот момент он. – И что там может быть в случае войны на этом поле – неизвестно... Самые страшные изобретения человеческого гения, несущие смерть, направленные против меня? Кто там, что за люди то могут быть, что не усомнятся в приказе, пожелают прийти на чужую землю и отнять её? Кто там прячется в той траве, пытаюсь убить нас, такой же испуганный новобранец, как и я, или опытный кровожадный наёмник? Что за спор этот может быть, который люди не могут решить, поговорив, и приходят к таким крайностям, как убийство?».

Раздался одиночный свисток, и шеренга разделилась, каждый устремился к своему рубежу, к тому месту, где развевался белый флажок. Чуть дальше, рядом с красным, офицеры стояли и пытливо всматривались в лица прибывших бойцов.

«И вот я здесь стою, неизвестно где, во Владимирской области. В руках заряженный автомат, сейчас раздастся команда, и побегу стрелять... Как волнующе! Казалось, так мало времени прошло, а столько всего изменилось. Каких-то две недели назад веселился по ночам в барах с друзьями и красотками, а теперь здесь, где-то в поле под палящим солнцем буду стрелять по мишени... Как скоротечно! И весело! Каких-то две недели!» – думал Родионов про себя, мысли появлялись в его голове молниеносно и так же сменялись другими, он говорил с собой, удивлялся и радовался всему вокруг.

Раздались два свистка, и курсанты от подготовительных рубежей помчались к красным флажкам. Они перебежали это небольшое расстояние с большим трудом: вес обмундирования, что было на них надето, превышал шестнадцать килограммов. Бронежилет мешал двигаться, пояс с амуницией сильно тянул вниз, автоматный ремень путался, а шлем предательски скатывался на глаза. Родионов достиг рубежа и с разбегу плюхнулся на плащ-палатку, расстеленную у красного флажка. Лейтенант Кутузов, довольный и гордый, стоял над ним и глупо улыбался. Михаил молча взглянул на него, затем на огневое поле. Всё, что он там увидел, не было примечательным, это было лишь обычное пересеченное поле с бледным кустарником, пышной травой, извилистыми оврагами и небольшими возвышенностями. Тем не менее, он приготовился и присоединил магазин к автомату.

– Приготовиться к стрельбе! – прокричал рядом Кутузов, а где-то дальше и другие офицеры. Стрелки передёрнули затворы оружия.

– Начать стрельбу! – прокричали офицеры, после этого раздалось подряд три свистка, и где-то далеко, на расстоянии четырёхсот метров поднялись едва заметные мишени.

Рассмотреть что-либо на этом поле казалось невозможным, на довольно значительном расстоянии всё выглядело небольшим. Мишеней было много, они напоминали обыкновенные холсты бумаги, брошенные тут и там посреди травы, а их контуры и очертания слива-

лись с окружающим, с небом, отсвечивали, расплывались и двоились. Разобрать, кому какая мишень полагается, было невозможно. Где-то справа и слева, там, где начиналось поле ТОГа, и заканчивалось стрельбище вообще, ещё виднелись какие-то предметы, тоже весьма похожие на цели.

«Куда же стрелять? Ничего не видно!» – про себя думал Михаил, пытаясь подавить волнение.

Раздались выстрелы слева и справа, очень громкие, тревожные. Михаил заметил одну мишень, очень похожую на ту, что описывали сержанты во время обучения, прицелился, как умел, и нажал на спусковой крючок. Одиночный выстрел последовал, похожий на хлопок, но невероятно громкий. Михаила оглушило, и только равномерный высокий гул теперь стоял в его ушах. Автомат дрогнул, толкнул стрелка в плечо, но молодой человек лишь сжал его сильнее.

Стрельба началась, и тишина надолго покинула округу. Всюду теперь раздавались выстрелы одиночные, затем очереди и потрясающее эхо от них, звучали окрики командиров и наблюдателей. Михаил целился и стрелял. Оглушённый ярым звоном, в странном упоении он крепко сжимал холодную сталь автомата, казавшуюся прежде чужой и опасной, а сейчас ставшую близкой и приятной. Вопреки обстановке и происходящему, суетному волнению офицеров и окружающих Михаил испытывал лёгкое и необъяснимое наслаждение, благодатное спокойствие, что передалось ему от беспощадного и смертоносного оружия.

Патронов на первую стрельбу выдали всего пять, а потому действие скоро завершилось. Раздалась вновь команда, и офицеры подняли белые флажки. Михаил отодвинул затвор и показал Кутузову пустой патронник.

– Молодец, Родионов, теперь стал солдатом! – насмешливо проговорил Кутузов. – А теперь вали отсюда быстро, идиот.

Простая брошенная глупым лейтенантом фраза подействовала удручающе на молодого солдата. Родионов тут же пришёл в себя, а вся былая радость улетучилась. С грустью вспомнив своё положение, возвратившись в серую действительность, он поднялся и медленно зашагал обратно к вышке, держа в руке автомат. Сейчас он, несмотря на повсеместную обыкновенную спешку во время стрельбы, совершенно не торопился, эти двадцать метров как будто шёл с достоинством, словно показав окружающим, чего он стоит.

Стрельбы, несмотря на небольшое количество боеприпасов, продлились несколько часов. Поочередно бойцы выходили из строя, надевали бронежилеты и шлемы вслед за своими товарищами, получали патроны и отправлялись стрелять. Те, кто уже отстрелялся, отправлялись в учебные классы на занятия по баллистике, разборке автомата и прочие. Однако места скучным лекциям в головах курсантов уже не было, все мысли их были заняты полученными впечатлениями, и они охотно делились ими и переговаривались между собой. С давних времён похожим образом был организован учебный процесс курсантов разных родов войск, и для многих поколений день первой стрельбы становился символичным долгожданным посвящением в военное дело.

Так и все сослуживцы Родионова, и он сам, вскоре забыв высказывание Кутузова, испытали удовлетворение и облегчение от выполнения ответственного дела. Каждый из них, как бы там ни было, отстрелялся без больших осечек, при том никто не пострадал, так что все, кроме старшего начальства, остались довольны исходом стрельбы. На обратном пути взвод шёл бодро, старательно чеканя шаг. Пресыщенные чувством исполненного долга, солдаты шли с сознанием, что они отныне стали действительно военными, имеют некоторый опыт и знание военного дела.

– Как отстрелял, дружище? – спрашивал на обратном пути Родионов Масленникова.

– Отстрелял, что и сам не понял. На троечку, говорят, – отвечал тот.

– Как будто все на троечку, я слышал. Но я не уверен, что в тот бинокль можно было рассмотреть чего-нибудь, да и мишени не меняли после каждого бойца. Там должно быть отверстий в них три десятка, а наблюдатели такие же ротозеи, как и мы, – говорил Родионов и смеялся, такое хорошее у него было расположение духа.

– А как ещё мы могли отстрелять, если стрелять никто не умеет? Даже эти, кто учит, не знают ничего. Что они вообще там делали пять лет в своём училище?

– Они меньше знают, лучше спят.

– Вот уж точно. А на восьмом рубеже вообще не было мишени! Что за армия!? – смеялся с ним Масленников.

– Слушай меня! – кричал Дубовиков, когда первый взвод вошёл в злополучный лесной участок, прикрытый со всех сторон плотными рядами сосен, – Поскольку вы мне сегодня хлопот доставили и вели себя плохо, будем качаться! Садись, взвод! Шагом марш!

Всё расстояние по лесной тропе, изрытой корнями сидящих деревьев, взвод прошёл гуськом, держа в руках автоматы, с подсумками, штык-ножами и прочим снаряжением. Уставшие и вспотевшие, разогреваемые ещё палящим солнцем, глотая пыль, изнывая от жажды, солдаты из последних сил боролись с этой напастью. Они кляли Дубовикова и плевались в его сторону, охая от тяжести усилий, тащили стонущего Башмака и кляли его тоже. Они шли так гуськом долго, растянувшись на сотню метров, едва перебирая ногами, опираясь на приклады оружия, цепляясь за землю руками, пока, наконец, не вышли к асфальтированной дороге. Тогда только Дубовиков, опасаясь возможного появления штабных командиров, скомандовал подняться, но через секунду приказал бежать. Это не было запрещено правилами и походило на марш, так что оставшиеся восемьсот метров до казармы взвод преодолел бегом. В расположении курсанты врывались и мчались сразу же к умывальникам, где, истощённые, грязные и мокрые, припадали к кранам с холодной водой. Они жадно глотали, толкая друг друга, наполняли фляги, поливали шеи и головы. Когда им казалось, что вот жажда утолена, они с полминуты переводили дух, а после опять с остервенением принимались пить, и так продолжалось снова и снова.

Днём двадцать четвёртого июля, когда рота строилась на обед, в расположение вошёл младший сержант Игорь Романович Авдиенко. То был второй сержант первого взвода, находившийся до сих пор в выездном карауле. Вместе с одним пехотным лейтенантом он уехал из полка в конце июня. Где-то под Владимиром они приняли состав вагонов с ракетами и сопровождали его в Ашулук, а обратно везли ракетные комплексы. Выездной караул представлял собой офицера-начальника караула и в данном случае четырех младших сержантов – часовых, которым предоставлялся один жилой вагон в эшелоне. В их обязанности входило обеспечивать охрану состава в ходе остановок поезда. Подобное дело в учебном полку считалось серьёзным, крайне ответственным и даже в некоторой степени почётным. Многим попасть в караул казалось пределом мечтаний, для этого совершался весьма продолжительный отбор часовых среди солдат всего полка, а назначали по итогу лишь четверых.

Авдиенко вошёл быстро, уверенно, как входит полноправный хозяин в своё жилище, возвратившись из дальнего похода. Он небрежно сбросил на пол автомат, бронежилет, отстегнул от вещмешка обтянутый зелёной тканью хаки шлем. Оглядев мимоходом роту, он растолкал солдат и прошёл во второй кубрик, свалился на свою кровать. Фоменко, Миронов первые подошли к нему, за ними и остальные сержанты. Обнявшись, они с радостью поприветствовали друг друга.

Авдиенко был небольшого, как и все танкисты, роста, двадцати лет и крепкого сложения. Со светло каштановыми волосами, изрядно отросшими за месяц и завивающимися на кончиках, с прямым открытым лицом и безупречно ровными скулами, он был образцом человека славянской внешности. Из-под стройных выцветших бровей, украшенные пышными побелев-

шими ресницами, глядели по-честному неглубоко посаженные голубые глаза. На загорелых щеках и подбородке, опоясывавшая пухлые блекло-розовые губы, угадывалась редкая юношеская щетина.

Родился он в Санкт-Петербурге в девяносто втором году в семье состоятельного предпринимателя. Как и положено, он ходил в детский сад, затем в школу, и главным отличием его от большинства сверстников было именно материальное благополучие его родителя. Он рос единственным ребёнком в семье, потому купался в материнской ласке и любви, наслаждался вседозволенностью и лёгкой, размеренной жизнью. Отец его, занятый всё больше своим предприятием и прочими мужскими делами, редко уделял время сыну, лишь глядя со стороны на его взросление. В тех случаях, когда требовалось его отцовское участие, он соглашался на что угодно, только бы скорее прекратить семейные споры и разбирательства и вернуться к единственно важному – устройению капитала. Так Авдиенко-младший рос не встречая на пути ни трудностей, ни отказов любым желанием, с каждым днём всё больше убеждаясь в безнаказанной вседозволенности и собственной исключительности.

Будучи подростком, Авдиенко волею случая оказался втянутым в деятельность фанатского сообщества, и не просто какого-нибудь, а московского «Спартака». Сам чёрт бы не различил, как так вышло, но молодой человек проникся сердечную любовью к тому делу, считая, что их встреча с клубом и его шефами предначертана судьбой. С тем началась другая веха в жизни Авдиенко, уже более яркая и занимательная, но гораздо менее славная. Вырастающая на примере сумасбродных футбольных хулиганов, оказываясь беспрестанно в нешуточной опасности, молодой человек воспитал в себе, привыкшем к удобствам и даже роскоши, беспримерную храбрость, граничащую, однако, с безрассудством. Поступая по обыкновению стихийно, бросаясь в запале чувств от одной думы к другой, получая порою приемлемый результат своих усилий, Авдиенко доходил до крайностей в своих действиях, а позже и в суждениях. Наконец он заразился граничащими зачастую с фанатскими националистическими воззрениями. Подверженный влиянию групповой пропаганды и обаянию глав сообщества, наблюдающий иногда действительные несправедливости, неспособный беспристрастно судить о сложных вещах ввиду своей незрелости, он живо стал ревностным ненавистником всего нерусского. Ещё позже он в меру сил изучил это дело и вместе с товарищами по убеждениям стал принимать участие в «общественных» выступлениях, что сделало мигом его известным в некоторых кругах. Вскоре уже истые националисты обратили на него пристальное внимание, пророча ему достойное на их лад будущее.

Жизнь его, однако, повернулась иначе. В то время, когда всё описанное происходило, Авдиенко уже отучился в суворовском училище и после два года болтался без дела, занимаясь чем-нибудь, вызывая всё чаще своими выходками неудовольствие отца. Последней каплей, побудившей родителя к серьёзному разговору с отпрыском, стал угон Авдиенко-младшим отцовской машины и впоследствии дорожное происшествие с пострадавшими. Отец посредством денег и знакомств избавил сына от ответственности, однако сказал, что делает это в последний раз и что больше не намерен решать вопросы с военкоматом, да и все прочие, и вообще посоветовал тому сходить в армию, образумиться.

Таким Авдиенко зимой 2011 и прибыл в учебный ковровский полк – с глубоким сознанием собственного благородного достоинства, с мнением о превосходстве славян над остальными людьми и определёнными, но, выяснилось, бесполезными здесь умениями постоять за себя в драке. Оказавшись в числе будущих командиров танков, он со сдержанным удовлетворением воспринял это обстоятельство, однако позже, предвкушая вес, что придадут ему сержантские лычки и командная должность, принялся горделиво заявлять, что иначе с ним и быть не могло.

Родионов скоро после опроса новоявленным сержантом на предмет разных спортивных, затем националистических интересов, хотя и не выказавший к ним уважения, всё же

стал любимчиком Авдиенко. Они разговаривали обыкновенно о разных пустяковых вещах, но посредством этих разговоров со временем устанавливалось доверие между ними.

– Товарищ младший сержант, что означают эти татуировки? – спрашивал Родионов как-то спустя несколько дней после приезда Авдиенко.

– Это по молодости наколол всякой чепухи, теперь что с ними делать – не знаю. Может, буду удалять, – отвечал тот.

Татуировок у него было две. Одна – цветная картинка с «Микки Маусом» – являла собой давний символ футбольной команды «Спартак», а скорее части хулиганов, бьющихся под её знамёнами с другими безумцами. Однажды, пребывая в предельном воодушевлении, вызванном несомненным успехом в борьбе с нерусскими россиянами, Авдиенко отправился в салон татуировок и наколол эту картинку. Другая татуировка была надпись на латыни «CARPE DIEM», и смысл её заключался в том, что жизнь скоротечна, необычайно ограничена временем, а потому от неё нужно брать с избытком, без раздумий тратя её на развлечения и удовольствия. Эта татуировка была сделана им также в состоянии блаженства, когда он после рискованной драки с выходцами из Средней Азии в полной мере ощутил привлекательность своих категоричных роковых взглядов.

Диковинная дружба завязывалась между этими людьми, как черное и белое не похожими друг на друга. Родионова отнюдь не занимал футбол, деятельность полубандитских фанатских группировок, а тем более крайний национализм. Ему, укутанному с рождения чистой материнской любовью и заботой, наученному множеством книг и окружающими человеколюбием и добротой, были чужды всякая жестокость, насилие, разделение людей по цвету кожи, разрезу глаз, происхождению и всё тому подобное. Он внимал многократно и чутко то, что говорил Авдиенко, даже впечатлялся местами его буйным очарованием, а всё никак не приходил к тем же заключениям, что и сержант. Они могли показаться, пока находились бок о бок, столь же странной парой, как хищная птица и морская черепаха и, верно, были также отличны. Однако они ежедневно общались, Авдиенко рассказывал невероятные истории и с упоением наблюдал за изумлением новобранца, а тот качал головой, поддакивал, но лишь осуждал поступки сержанта.

– В карауле едем, бывало, сутки, всё время спим, и жарко так, пить нечего! – как-то рассказывал Авдиенко Родионову, – Так я на остановке выйду, как будто заступил на пост. Начальник спит, потому что духота, сил нет, а я под вагон куда-нибудь спрячусь, автомат, «бронник» брошу рядом, разденусь до трусов, лежу, арбуз ем... Там этого добра сколько угодно, и всё за гроши, да хоть просто так, ведь никому не нужно. А сверху солнце палит, всюду степь разметалась, в воздухе песок носится, аж дышать невозможно; вдали на горизонте верблюды шастают, да колючки катаются, и больше ни черта вокруг.

Авдиенко смеялся, но Родионов возмущался: он ни в малой степени не разделял пренебрежительного отношения к долгу, серьёзной ответственности, исключительному доверию, что оказано часовым.

– Стоял дневальным на тумбочке, по курсовке ещё, после отбоя уже, скучно, спать хочется, – говорил другой раз Авдиенко, – Ответственного нет в роте, все спят. Стал слушать музыку на телефоне, нашёл гимн Люфтваффе, включил. Стал маршировать, на немецком командовать, зигу кидать – хоть какое-то развлечение! Раздаётся минут через пятнадцать телефонный звонок в роту. Я тогда только вспомнил, что стою прямо под камерой. Поднимаю трубку. Там дежурный по полку мне сонно: «Ты чего, дневальный, совсем ополоумел?» Я сначала растерялся, но потом что-то наплёл, будто мне это Кутузов так приказал.

Авдиенко хохотал, а Родионов, с округлыми глазами, поражался наглости сержанта.

– А что потом было? – спрашивал новобранец. – Кутузова-то отчитали?

– Да нет, Кутузова тогда не было на месте, а дежурный, видать, забыл на утро об этом, или подумал, что это ему приснилось!

И они смеялись вместе; Родионов, пусть и смущённый подобным халатным отношением к службе, не мог удержаться от весёлости, потому что ситуация впрямь была комичная. Он тогда ещё не мог представить, как далеко зайдёт сержант однажды со своими недетскими шалостями.

Прежде, ещё курсантом Авдиенко сгорал от желания проповедовать свои настроения среди сослуживцев, но дело никак не выходило: все разговоры на подобные темы то сводились к шуткам, то безучастно пресекались сержантами или офицерами, то встречали ленивое сопротивление тех «нерусей», что тоже попали служить в роту. Этими ребятами были двое молчаливых армян, один добродушный весёлый казах и низкорослый башкир с тонкими, как леска, глазами и звериным оскалом. Все они обычно сочувственно смотрели на Авдиенко, лишь только раз башкир в гневе посоветовал ему не уезжать из учебки в войска. Авдиенко пару месяцев плевался, грозился навести порядок и возмущался, что каких-то «черных» и «узкоглазых» делают сержантами. А потом пламя его злобы, что не успели раздуть питерские националисты, стало угасать, сдерживаемое военным порядком, необходимостью подчиняться людям иных взглядов, а также простой солдатской усталостью. Лишённый возможности находиться в середине внимания, устраивать привычные беспорядки и суету, он мерно утрачивал свои отчаянные легкомысленность и возбудимость, за которые прежде сообщники его так любили. Беспокойный и дикий нрав его обуздала серая, размеренная армейская действительность; отсутствие надобности ежедневно биться за жизнь, малейшего подстрекательства со стороны нерусских солдат, неподдельное дружелюбие казаха размягчили его характер, сделали Авдиенко обычным разнузданным пройдохой. Каким-то неявным ощущением он и сам понимал всё это, но по недалёковидности не принимал усилий, чтобы противодействовать происходящим в нём изменениям. Он лишь думал, что весною окончит учёбу в ковровском полку и поедет в войска, где всё будет по-новому, где он сможет развернуться, где его ждёт «совсем другое будущее, другая служба». Но в отношении «нерусей» Авдиенко так ничего и не предпринял, а по весне его не «купили», и точно так он внезапно дождался отъезда всех нерусских солдат, молча проводил их в войска, после того угрюмо всматриваясь в тупое лицо оставшегося с ним в учебке славянина Толстова. Ещё через два месяца межпериода, раздосадованный и глубоко уязвлённый, испытывая на себе действие времени и обстановки, он стал не более чем типичным лентяем и болтуном, каких уйма среди сержантов во всех учебных частях.

Когда приехали «слоны», то есть новобранцы, он с Дубовиковым получил над ними безраздельную власть. Опьянённые ею, не знающей границ и не встречающей сопротивления, они охотно и всё больше подвергались её обескураживающему действию. Юный и вспыльчивый Дубовиков, не забывающий совершенных над ним в прежнее время несправедливостей, доходил до вершин изобретательности в своих издевательствах. Не успевшая расцвести и оттого увядшая ненависть ко всему нерусскому в Авдиенко тотчас проявилась вновь и стала настойчиво искать выход, а ум его заработал с новой силой. Страшными развлечениями Авдиенко тогда стали множество безобразных вещей. Однажды сообразив, что курсанты слушают его, потому что устав велит им слушать, он заговорил на занятиях по общественно-государственной подготовке об интересовавших его вещах. Тогда он должен был рассказать об истории государственного герба, гимна и флага России, но вместо того он осторожно заговорил о расовых отличиях людей. На следующем занятии он повторил опыт, и уже скоро все его речи стали нести одну направленность. Он говорил о славянской расе, её превосходстве, силе и могуществе, рассказывал о различных крайних националистических течениях, в убеждения которых искренне верил. Авдиенко говорил обо всём этом ярко и чувственно, но не считаясь с чужим мнением и воздерживаясь от споров, поскольку он никогда не приходил к этим суждениям собственным умом, а только лишь они ему навязывались кем-то старшим как несомненные истины. Очень скоро он затронул многие неокрепшие и доступные умы курсантов, рассказывая о некоем Дэвиде Лэйне и его делах, лозунге «14\88», манифесте «88 заповедей», программе

«Дневник Тёрнера» и прочем. Позже он коснулся мировых войн, участия Германии в них, роли евреев в мировом сообществе, становления Гитлера, его личности и произведения «Mein Kampf».

Деспотизм мерно развивался, не встречая сопротивления, и однажды на марше Авдиенко стал вести счёт строю на немецком языке. Он изучил строевые команды Люфтваффе и с удовольствием применял их. Молодые солдаты были поражены, но их роль в тех грязных забавах была невелика, как считал каждый, а потому они лишь выполняли то, что от них требовалось. Увлекаясь своими озорством, Авдиенко в плотных лесных массивах, скрывавших строй от глаз начальников, поднимал вверх правую руку и командовал «смирно» всему строю. Тогда бойцы равнялись на него, замирали и маршировали, а он, молодой, стройный и подтянутый, обрадованный послушанием подчиненных, шёл во главе строя с поднятой рукой, отдавая команды по-немецки и лучезарно улыбаясь.

Родионов и Масленников испытывали в такие минуты сильное отвращение к этому человеку, в некотором смысле своему сослуживцу, наставнику. Оба молодых человека были неплохо образованы, знали прекрасно и военный период истории. Много они читали с детских лет о бедах и лишениях народов, что главным образом пострадали во Второй мировой войне, о случаях проявления беспримерной злобы фашистов, об их неоправданной ненависти ко всему живому. Молодые люди никогда не ставили под сомнение освещение тех событий. Даже повзрослев, получив возможность самостоятельно изучать и оценивать историю, каждый из них по-своему пришёл к прежнему убеждению, может не такому категоричному, как прежде, но вместо этого к более сильному. Убеждение это состояло в том, что нацисты виновны во множестве бесчеловечных преступлений, а их мировоззрения несправедливы, глупы и жестоки.

Тем не менее, Родионов и Масленников, хотя и были сильны по своим натурам, не противостояли открыто выходкам молодого сержанта. Они были напуганы офицерами, говорившими о полном повиновении старшим по званию, сбиты с толку незнакомой армейской обстановкой, уставными правилами и порядками, царящими здесь и зачастую такими отличными от гражданских и человеческих, по которым оба всегда жили. Так, Родионов и Масленников, скреплённые уже прочными узами дружбы, проникались ещё большим уважением друг к другу, когда выражали хотя наедине недовольство делами Авдиенко и презрение к нему. Однако они при встрече и разговоре с ним смотрели ему в глаза, в его открытое честное лицо, и удивлялись многому. Удивлялись поразительному несоответствию обаяния и располагающей внешности сержанта отвратительному внутреннему состоянию его заблудшей души. Удивлялись они также и себе самим, потому что совсем недавно, готовясь стать солдатами, они ожидали столкнуться на службе с непобедимым армейским произволом и были настроены яростно, до конца бороться с ним, однако теперь оба лишь стояли в стороне, наблюдали за торжеством злодея и безмолвно возмущались, считая порой, что дело не касается напрямую их.

Начиналось легковесное нежное утро. Солнце ещё не проснулось и утопало пока что далеко в лесной глуши в предрассветной неге, очерчивая изредка горизонт тонкими розовыми блёстками. Пушистые белые облака, сбрасывая тёмное покрывало ночи, сказочно алели. Шаловливый ветерок плутал по обезлюдившей части среди молчаливых серых строений, играл потёртыми раскрытыми ставнями и пробирался под одеяла спящих новобранцев. Тишина всюду была совершенная. Природа замерла в сонном очаровании, и притихли, казалось, не только люди, отдыхая от подвижной деятельности, но даже неумолимые звери и птицы. Густой ковёр яркой зеленеющей травы, не тревожимый ничем, также застыл в безгласном ожидании нового дня. Лишь только в деревне, вдали за дорогой, ведущей к стрельбищу, за узкой быстрой речушкой, широким раскатистым полем в покосившемся курятнике просыпался петух и готовился разбудить хозяев резвым криком.

Родионов в то утро проснулся раньше общего подъёма, уже по устоявшейся привычке, для того, чтобы успеть к новому дню выполнить все приготовления. Откинув слегка одеяло, умильно потягиваясь, он оглядел своё отделение и обнаружил, что все ещё спали как младенцы. Такие минуты он любил, если это подходящее слово. Мысли его после отдыха очищались, усталость и боль в теле отступали, кругом ни единый шорох не отвлекал от дум. В то утро Михаил представлял прошлое, далёкое прошлое тысячелетней давности, когда ещё по этой земле ходили их пращуры – могучие богатыри, отважные и искусные в своём деле, мудрые и порядочные в своих суждениях, благородные и искренние в своих намерениях. Родионов представлял их, статных и величественных, закованных в кольчуги и с секирами, верхом на рослых жеребцах, мчащихся навстречу яростным захватчикам, и сравнивал с собою, своими сослуживцами, сержантами и офицерами роты. Родионов сравнивал то, что делали его предки, с тем, что делают они сейчас, и задавался вопросом, достойна ли их служба деяний праотцов. То ему казалось, что все здесь так или иначе выполняют священный долг, стерегут мир и покой страны, то он вспоминал безумия офицеров, глупость сержантов, лень и безучастность новобранцев, и тогда ему становилось горько. Он тогда вопросительно всматривался в окно в ясное небо, а оттуда будто кто-то безгласно взирал на него.

Где-то на проходе послышались загадочные звуки, и Михаил отвлекся от размышлений. Цоканье копыт, звонкое и колкое, раздалось совсем близко, однако все танкисты крепко спали. Михаил повернулся на бок, прислушиваясь с сомнением, и тут же цоканье повторилось, а после раздалось конское ржание. Железный звон и скрип кожаных ремней переменили прежние звуки, и стало ясно, что за углом, в десяти метрах от Михаила, находится один из древнерусских богатырей. Прекрасно слышно было, как всадник остановился на мгновение, затем спешился, поправил сбрую. Вот он вновь замер и прислушался, а затем зашагал, стуча сафьяновыми броднями, тяжело, но быстро. Михаил приподнялся в койке, широко раскрыв глаза и не веря своим ушам. Шаги приближались, и очень скоро, вот уже сейчас должен был появиться этот великан с мечом наперевес... Но вместо того из-за угла выплыл невзрачный и плюгавый младший сержант Логвинов. Он прошёл вразвалку по центральному проходу, зевая и осматривая кубрики и спящих курсантов, правда, единственно для того, чтобы с большим удовольствием совершить своё неблагодарное деяние.

«Рота, подъём! Строиться по форме четыре!» – дважды крикнул он, и тогда Родионов, наконец, проснулся. Но проснулись и остальные, тут же всюду в казарме началось оживление, суэта, в которой бойцы пытались выполнить одновременно множество задач и справиться вовремя. Ввиду необыкновенно важных занятий, которые предстояли тем днём, роту разбудили на полчаса раньше. Об этом говорили сержанты накануне, но ничего больше о предстоящем деле не было известно. С общим подъёмом выгодный момент был упущен, Родионов ничего не успел и только поругал себя за ненужную мечтательность.

Рота была построена и готова выдвигаться уже в шесть пятнадцать. Все приготовления были сделаны, несколько ящиков учебных материалов собраны и розданы взводам, и пришедший вскоре Бабенко командовал. Построившись на улице перед казармой, рота сразу же направилась в сторону КПП. Оказавшись за пределами полка, подразделение сразу же повернуло с дороги в сторону, выйдя на узкую лесную тропу. Куда она вела, ещё никто из новобранцев не знал, а сержанты лишь загадочно улыбались, когда их спрашивали. Между тем природа вокруг была, как всегда, прекрасна и чиста, и невесомость летнего утра побуждала многих к возвышенным мыслям. Так почти весь марш прошёл за попытками угадать предстоящую важную миссию и за любованием великолепием нетронутого леса.

– Куда, всё же, мы идём, знаешь что-нибудь? – спрашивал Родионов Масленникова.

– Ничего не знаю, только знаю, что это важно, – отвечал тот.

– Важно, ответственно, а ещё Авдиенко проговорился, что нам это должно понравиться.

В том ящике, что несёт Нефёдов со Скоревым, те самые гранаты, из берёзок, помнишь?

– Мы идём метать важные берёзовые гранаты, по-твоему?

Оба задумались, теряясь в догадках. Несколько дней до этого во время походов на директрису, когда большая часть солдат занималась бессмысленными работами по выкорчевыванию деревьев, растущих близко к танковым дорожкам, отдельная группа из нескольких человек удалялась в лес и нарубала тонкие берёзовые поленья. Далее в течение пары дней двое бойцов стругали из этих пней определённых размеров муляжи противотанковых гранат. Ящик с этими макетами находился в строю, ещё двое курсантов несли бронежилеты, шлемы и автоматы.

Когда рота вышла из леса, взору бойцов открылось бескрайнее перепаханное поле с редкими на нём возвышениями, широкими лужами бурой няши и одинокими деревцами. Поле то было не крестьянское с посевами, вспаханное ровно и заботливо, а военное, учебное, и всюду на нём видно было борозду от танковых траков, ключья вырванной на поворотах земли в смеси с жухлой травой, тонкие передавленные деревца, вжатые тяжестью смертоносной машины в глиняную почву. В некоторых местах в поле развевались небольшие красные и белые флажки, неподалёку от них сновали офицеры, а в одном месте в стороне замерли унылыми чёрными пятнами обшарпанные танки.

Рота направилась к середине поля, где находился капитан Молотов и ещё несколько пехотных офицеров. Все они оживлённо беседовали между собой и были, кажется, весьма заинтересованы предстоящим действием. Когда солдаты, шлёпая ботинками в хлюпающей грязи, поравнялись с заезженными, забрызганными танками, они увидели, что спереди на броне сидят столько же сальные механики в комбинезонах и шлемофонах. Механики курили, смеялись, совершенно не замечая происходящего вокруг и не заботясь о присутствии поблизости офицеров. Когда один из них заметил проходящий строй, он указал на него остальным, и все они довольно заулыбались.

– Эй, салаги! Вы чего такие грустные, по мамкам скучаете? – кричали механики с танков.

– Вот идиоты чумазные, они себя-бы видели! – возмутился в ответ Кириллов, но никто особенно его не слушал.

Когда рота достигла назначенного места, командовать стал Молотов. В стороне рядом с белым флажком солдаты сложили учебные материалы, а затем построились. Молотов дерзко, но весьма умело отдавал указания офицерам и сержантам, рассказывая каждому его обязанности. Когда все было установлено и разъяснено, командиры стали расходиться по местам, а Молотов встал перед ротой и заговорил.

– Добро пожаловать, бойцы, во взрослые игрушки, – вызывающе начал он, – Все шутки кончились, и даже ваша недавняя стрельба, которую вы завалили, всего лишь безобидная песочница по сравнению с тем, что начинается с сегодняшнего дня. Должен сказать в связи с этим, и уже не в первый раз, что главной необходимостью здесь является соблюдение требований безопасности. Не буду даже называть количество трагических случаев, что произошли за всё время хотя бы в нашем полку. У комбата Беспалова два трупа, у меня два, вот недавно вам рассказывали про случай в соседнем полку, когда солдату голову отстрелили. Во всех случаях, связанных с боевой техникой, виноваты исключительно погибшие. А если бы то даже оказалось иначе – всё равно никто после вашей смерти не станет искать виновных. Поэтому в ваших интересах действовать правильно и не пострадать.

Молотов сделал короткую паузу, с удовольствием наблюдая за поведением курсантов. Те взволнованно и тихо переговаривались.

– Рассказываю задачу, поставленную на сегодня. Впереди там, в пятидесяти метрах отсюда, небольшой такой вырыт окопчик. Надеваете бронежилет, шлем, берёте каждый по две гранаты и автомат, – Молотов указал на ящик с берёзовыми гранатами, – прыгаете в окоп и ждёте. Когда танк приближается на достаточное расстояние, кричите «За Родину» и метаете ему прямо в башню, чтобы нахер там рванул весь боекомплект, и враг понял, как с вами плохо иметь дело. Всё учебное упражнение курируют ваши сержанты и офицеры. Значит, дальше

на следующем учебном месте вы изучаете ТТХ боевой гранаты РКГ-3, на третьем учебном месте...

Молотов продолжал далее, заглядывая в свой блокнот, но уже мало кто его слышал. Родионов теперь необычайно возбуждился, восторженно загорелся предстоящим делом. Он радовался и не мог поверить, что им, вчерашним студентам и школьникам, доверяют пройти такое ответственное и опасное испытание. Довольно долго встречи с беспощадной бессмысленностью всего совершаемого в армии рождали в нём грустную убеждённость, что прикоснуться к военному делу им если и удастся, то лишь один раз и ненадолго. Теперь же всё выглядело совсем иначе, гораздо более привлекательно и интригующе.

Внезапно его мысли и всех остальных прервало новое поразительное событие. Пока Молотов произносил свою речь, офицеры разошлись по местам, и один никому не знакомый важный капитан направился к танкам. С трудом преодолевая вдоль и поперёк изрытое поле, он, наконец, добрался до машин и скомандовал одному из механиков «завестись». Младший сержант-механик из БОУПа быстро занял своё место и запустил двигатель. На некотором расстоянии, на возвышенности, где стояла рота, поначалу медленный разгон двигателя не был слышен. Но через минуту турбина набрала обороты, и до новобранцев донёсся пронзительный режущий свист вращающихся лопастей. Ещё недолго он набирал силу, а потом несколько изменился до равномерного высокого гула. Бойцы растерянно обернулись, опешив, совершенно не ожидая услышать ничего подобного. Они уже давно знали, что именно турбинный двигатель установлен в их танках, но прежде никогда не слышали звука его работы, а потому плохо представляли, на что это похоже. Такой звук издают турбины самолётов, и это было всем известно, но слышать нечто подобное здесь, посреди поля, издаваемое танком, было странно и непривычно.

– Это от танка такой звук? А он хоть поедет, или полетит по небу? – шутил кто-то в строю.

В какой-то момент многие даже подумали, что это какая-то шутка, и посмеялись. Но через минуту танк покачнулся, дёрнулся раз, другой. Офицер стоял перед ним и жестиком лировал руками, кричал изо всех сил, пытаясь пересилить шум двигателя, а механик сидел по-походному, выглянув из люка, и внимательно следил за его движениями. Наконец офицер ушёл в сторону, и танк уверенным рывком, лязгая гусеницами, тронулся и неожиданно резво помчался вперёд, не встречая никаких препятствий на своем пути, с лёгкостью переворачивая огромные комы земли, как крошечный кузнечик подпрыгивая и покачиваясь на небольших возвышениях. Курсанты стояли раскрыв рты, очарованные способностями этого сильного и ловкого железного чудовища, с каждым поворотом и манёвром невероятной машины всё больше удивляясь. Все кругом теперь внимательно следили за остановками, замедлениями и ускорениями массивного монстра, носящегося по полю, и даже Молотов затих и точно завороженный наблюдал за происходящим.

– К выполнению упражнения приступить! – наконец произнёс он, теперь уже криком, хотя гул, как оказалось, был вовсе не сильным, к нему нужно было лишь привыкнуть. По некоторым соображениям звукомаскировки турбина издавала свой пронзительный свист только позади, а впереди танка никакого звука практически не было. Когда танк стал передом к построенным новобранцам, шум как будто прекратился, и присутствие страшной машины поблизости трудно было обнаружить.

– Первые двое пошли в окоп, бронезилеты не забудьте! – скомандовал Кутузов и направился с флажком к окопу. Вместе с ним устремились Гуреев и Скачков, схватив кое-как снаряжение, автоматы и несколько гранат.

Там, рядом с окопом, уже стоял младший сержант Миронов, ехидно ухмыляясь.

– Не «очкуйте» там, утырки, – сказал он насмешливо новобранцам, когда те приблизились к нему.

Подбежав к окопу, Гуреев и Скачков замерли в изумлении, не решаясь спуститься вниз. Узкая канавка, которую невозможно было назвать и при огромном желании окопом, представляла собой небольшое, глубиной и шириной в один метр и длиной в четыре углубление на пути танковой колеи. Стенки этой траншеи были отделаны тонкими проржавевшими листами железа, через отверстия в которых прорастала молодая травка. Верхние края железных листов были всячески изогнуты и искорежены, а поверхность земли на тех местах, выдерживая страшную массу убийственной машины, принимала причудливые формы. Гуреев и Скачков медленно, друг за другом, спустились в траншею и, кое-как повернувшись, стали лицом к танку.

– Готовы? – прокричал им Молотов со своего рубежа и, не дожидаясь ответа, скомандовал механику.

Железная тяжеленная машина уверенно двинулась с места. В этот раз уже восторга у наблюдающих было мало, поскольку они стояли к ней на расстоянии десяти метров и всем телом чувствовали её гибельность. Ещё чуть дальше в тесной траншее находились их товарищи, уже ставшие им близкими и любимыми, и теперь им предстояло подвергнуться испытанию. Танк медленно двигался, разворачивая под собой землю, ужасным свистом разрезая округу. Когда он через несколько секунд приблизился к траншее, стало видно, как в воздух взвились две кривые берёзовые гранаты. Вращаясь, они пролетели над ним и едва попали в заднюю часть. Но танк на том не остановился и продолжил движение, всей своей массой стремясь к окопу. Через пару секунд он наехал на него и остановился, оставив с боков лишь небольшие щели. Через полминуты Кутузов, стоявший чуть дальше, скомандовал жестами механику, и вскоре тот дал задний ход, уводя машину на прежнее место. Наконец из окопа выглянуло улыбающееся лицо Гуреева, а за ним и Скачкова. Миронов уже ворчал на них, что они так долго возятся, и, разумеется, приговаривал, что он в своё время был куда расторопнее. Новобранцы выбрались и устремились к построенной роте.

– Вы обезьяны тупые, вам зачем по две гранаты дали? – негодовал Молотов, обращаясь к ним, – У танка броня крепкая, ему одна ваша граната как снежинка, а шанс у вас всего один. Он если из пулемёта вас не расстреляет, так наедет на окоп, а после этого вы оттуда выберетесь? Поэтому ваша задача забросать его гранатами наверняка, чтобы его подорвать.

Пока он говорил, к нему подошёл Миронов и продемонстрировал две смятые танком берёзовые гранаты. Хотя они были вдавлены во влажную мягкую землю, всё же они треснули и раскрошились.

– Метаем по одной гранате теперь, а то не хватит всем, – тут же скомандовал Молотов. – Следующие, пошли!

Родионов и Прокофьев бросились к окопу. Он действительно оказался неприлично узок и неглубок, так что развернуться в нём нельзя было, а чтобы укрыться, необходимо было лечь на самое дно и не поднимать вовсе головы. Солдаты заняли места, держа в руках автоматы и гранаты. Теперь только они могли осмотреться. Падающий на глаза шлем мешал обзору, бронежилет не позволял удобно повернуть голову, но при всех этих обстоятельствах ребята не могли упустить из вида устрашающую машину. Издавая дикий свист, вся в стальной броне, массивная и грязная, она выглядела действительно ужасно. Ни Родионов, ни Прокофьев не слышали, как командует Молотов, как он спрашивает их о готовности, они только глядели на замершего неподалёку монстра, а тот глядел на них. Неожиданно он дёрнулся, а затем резво покатился вперёд. «Ну, неужели началось?» – подумал взволнованно Родионов. Чувства его сейчас обострились, и даже на таком расстоянии он видел и воспринимал всё до мельчайших подробностей. Он смотрел и мог разглядеть царапины на броне, блики солнечного света в триплексах, даже комья перемолотой земли, что разлетались позади машины.

– Пашок, давай-ка врежем по нему! – прокричал Родионов Прокофьеву, когда танк достаточно приблизился, и чуть подтолкнул товарища локтём.

Солдаты размахнулись и с большим усилием, метко бросили гранаты. Перевернувшись несколько раз, бруски берёзки попали точно в башню. Прокофьев не мог видеть этого, потому что сразу после броска упал на дно траншеи. Родионов же задержался, несмотря на наставления Молотова, и проследил за полётом гранаты.

– Попали, попали! – радостно заговорил он, но тут же его за ворот схватила худая рука Прокофьева и потянула вниз. Родионов свалился и прижался к земле. В последний миг только он увидел и понял, что ревущая машина наехала почти на него, а разделяла их от столкновения какая-то пара секунд.

Распластавшись на стоптанном дне окопа, едва помещаясь плечами между его стенками, упираясь своим шлемом в шлем Прокофьева, Родионов слышал и чувствовал, как содрогается и дрожит всюду исстрадавшаяся земля. Свист ещё усилился, и чёрный силуэт стального чудовища закрыл нежное синее небо, оставляя бойцов под собой в пыльном полумраке. Стенки окопа затрещали, железные листы пронзительно взвыли, а через отверстия в них на курсантов щедро посыпался сухой песок. Уши заложило оглушающим гулом, и на три секунды сердце Родионова замерло. «Что это, что? Вот так приходит конец?» – подумал он и тяжело повернулся на бок, чтобы взглянуть поверх себя. Он и сам не знал, что ожидал там увидеть, но разобрать что-либо едва было возможно. Беспросветный туман из пыли и сыплющейся земли стоял кругом, в двадцати сантиметрах над головой замерла многотонная дребезжащая машина, а со старых ржавых гусениц капала прямо на лицо Родионову мутная вода в смеси с машинным маслом.

Наверху Кутузов командовал, и механик отвечал ему кивком, уводя танк на исходный рубеж. Через полминуты уже новобранцы были свободны, и они живо поднялись на ноги, выскочили из окопа, откашливаясь. Оба они странно улыбались, но не спешили делиться впечатлениями. Передав снаряжение товарищам, Родионов и Прокофьев заняли места в строю, и тут же Масленников стал расспрашивать друга.

– Как там, Миша, понравилось? Окоп выдерживает хоть?

– Понравилось, да, но танк близко так, – только и отвечал Родионов, потом задумывался, и ещё добавлял, кивая головой, – да, близко, близко...

Это занятие продолжалось полдня. Как позже выяснилось, с давних времён это действие называлось «обкаткой» и несло в себе значительный смысл, являясь некоторым ритуальным посвящением курсанта в танкисты. Так начинался переход от общевоинской боевой подготовки к особой бронетанковой.

Обратно в расположение рота возвращалась повзводно, и тут Авдиенко поздравил новобранцев с преодолением первого этапа их службы – становлением танкистами. Дубовиков был тоже в весьма хорошем расположении духа и заставил бегать свой взвод меньше обычного. Как бы там ни было, вряд ли в этот день что-то могло омрачить мысли курсантов и испортить им яркие впечатления. Родионов и Масленников шли рядом, как и всегда, и незаметно разговаривали. Родионова занимали ощущения, полученные на «обкатке», и он старался словами обрисовать одну новую мысль, что теперь зародилась в его голове. Масленников слушал своего друга, конечно, но не слишком, потому что его полученные впечатления толкали на мысли о будущем и будущих удовольствиях, которые таились главным образом в прекрасных женщинах, с которыми он ещё встретится.

Наконец Родионов что-то сообразил, и тогда обратился к Масленникову:

– Когда я там лежал, и всё вокруг походило на конец, мне стало понятно, как страшно воевать, когда тебя ненавидят и хотят убить всеми средствами.

– Да, пожалуй, ты прав, – всего лишь ответил он, и этот разговор их прекратился, а продолжился другой, лёгкий и приятный, какую казалась и вся оставшаяся часть дня.

Наконец после отбоя Родионов, пожелав спокойной ночи всем своим товарищам, вернулся к мысли, что весь вечер не оставляла его. С полчаса раздумывал он одно и другое, под-

глядывая в окно на ночное небо, ища подсказки в сиянии далёких звёзд. Когда сон всё же стал одолевать молодого курсанта, ему прежде захотелось найти ответ на вопрос, что беспокойно отвлекал его. Тогда Родионов сделал над собой усилие и изобразил мысль, к которой пришёл: «Невероятно повезло тем людям, кто умирает в своей постели в тишине, глядя сквозь вымытое окно на безоблачное цветастое небо, а не лёжа в стонущей земле, глядя в равнодушную ледяную сталь, несущую смерть».

Это устроило его, и так он пролежал несколько минут, повторяя одно и то же, раздумывая. Всё усвоенное сегодня показалось ему важно и хорошо, и день, беспокойный и волнительный, тоже показался хорош.

«Да, да, именно так. Так верно...» – подумал он и тут же уснул.

– Как думаешь, какой он этот Алексеев? – спрашивал Родионов Масленникова, когда рота вышла из лесной полосы и зашагала по ровной дороге в сторону директрисы.

Рота шла бодро, ровно чеканя шаг, хотя солдаты потели в плотных неудобных кителях, ноги большинства всё ещё были растёрты до крови, а некоторые страдали от простуды и кашля. Бойцы тогда несли в строю множество перегруженных ящичков с танковыми пулемётами, патронами к ним и разное снаряжение. Ящички были широкие и длинные, солдаты брали их с двух сторон по двое и даже по четверо, поднимали на плечи, скрепляли ремнями и подкладывали под железные ручки какую-нибудь ткань. Несмотря на всё это идти было страшно неудобно, плечи бойцов болели от давления, спины их ныли под тяжестью груза, а пальцы, изрезанные узкими ручками, затекали. Только что очередь Масленникова и Родионова прошла, и они с облегчением передали тяжкую ношу товарищам.

– Кажется, очень строгий, или просто так себя ведёт с новой ротой, – отвечал Масленников. – Авдиенко говорил, будто нас ожидает с его приходом настоящая дисциплина, суровые наказания и ещё много неожиданностей.

– Авдиенко всё время болтает, чему верить из того, что он говорит?

– Это правда, и мы сами скоро всё узнаем.

– Родионов, Масленников, сколько вы можете чесать языками? – ворчал позади них по привычке Кириллов. – Дать бы вам по ящичку, вот тогда я посмотрел бы на ваши рожи!

– Да мы не больше твоего болтаем! – отвечали хором молодые люди.

Оба друга не принимали его слова всерьёз, они не могли отказаться от устоявшейся привычке поговорить о чём угодно, как, в общем-то, и все остальные курсанты на маршах. К тому же тем для разговоров становилось с каждым днём всё больше. С началом учебной программы, в большей степени посвящённой танкам, заинтересованность курсантов обучением значительно возросла, хотя общевоинская подготовка ещё занимала довольно много времени в расписании и часто на занятиях рота просто просиживала необходимые часы в классах, бездействуя. Но на прочих толковых занятиях, связанных с танками или стрельбой, солдаты внимательно слушали и ловили каждое слово наставника, боясь упустить что-либо важное. В свободные минуты они тоже часто говорили о танках, спорили, спрашивали друг у друга неясные детали и даже заглядывали в казавшуюся невероятной книгу «Объект-219». Мало-помалу Родионову, да и остальным перестала казаться такой уж несчастной их участь стать танкистами. Они вскоре стали воспринимать всё иначе, во многом потому, что офицеры всячески стремились убедить новобранцев в исключительной важности танковых войск и даже в престижности подобной службы.

«Вот пехота, возьмите пехоту, – говорил Бабенко, или Кутузов, – ведь это шваль, пушечное мясо эти мотострелки! У них какая задача? Как танкисты пойдут всем навалют, разнесут всё в клочья, потом они на своих гробах осторожно поедут, опасаясь каждого шороха, и, может быть, там где-то повоюют с полуживыми врагами. Или десантура, так эти только и умеют что орать да бутылки о головы бить... Другое дело – танкист! Ведь он – основная и главная сила,

наступательная элита, можно сказать! Любой командир предпочтёт иметь один танк в бою вместо роты пехоты, уж это я точно знаю!».

Первое долгожданное занятие по стрельбе из танков должно было проводиться на танковом огневом городке – ТОГе -, что лежал как раз перед полковым стрельбищем. Всему этому предшествовала невероятно плотная подготовка и муштра, благодаря которой в несколько дней танкисты в совершенстве изучили танковый пулемёт Калашникова, методику и правила стрельбы, технические данные танка и вооружения. Они вызубрили всё настолько, что могли ответить спросонья на любой вопрос после внезапного подъёма ночью. Единственным, однако, недостатком всей этой исполинской задумки было то, что новоявленные стрелки ни разу не находились собственно в самом танке. Сотни раз положения и правила повторялись офицерами, сержантами и затем курсантами, но всё обучение на том и заканчивалось. Каждый знал по описанию, где находится вычислитель, но никто не предполагал и приблизительно, какой в действительности окажется обстановка внутри танка или поле для стрельбы в окуляре прицела.

Ещё одной темой для разговоров и обсуждений стало недавнее появление нового командира роты. То был старший лейтенант Алексеев, отсутствовавший по причине отпуска. Курсанты прежде не встречали его и совсем мало слышали о нём от сержантов до тех самых пор, пока не стала известна точная дата его прибытия. Алексеев был небольшого роста, плотный и как будто бесформенный. Он обыкновенно сильно сутулился, хмурился, появлялся незаметно и ступал как кошка тихо, но командовал всегда громко и чётко, с удовольствием сознавая свою власть над множеством людей. Ему было всего двадцать шесть лет, но он почти полностью облысел, лицо его было изъедено морщинами, а в глазах словно всегда угадывалось беспокойство. Прежде этот человек был командиром первого взвода, когда капитан Молотов числился командиром роты. После завершения зимнего периода обучения Молотова назначили начальником штаба батальона и место командира роты освободилось. По старшинству звания Алексеев получил должность, но прежде отправился в полуторамесячный отпуск. Сержанты говорили о нём коротко, что он несравненно строгий и требовательный, новому разнузданному поколению призывников придётся несладко, а из-за них и всем остальным.

– Это вы сейчас такие расслабленные ходите, хотя вам кажется всё строгим. Это не так, и что такое строгость вы узнаете с приходом нового командира роты, – предупреждал Авдиенко, но мало кто верил его словам.

Прошлым вечером Алексеев, одетый в гражданское, угрюмо вошёл в расположение, не обращая на себя внимания. Дневальный не сообразил, что командовать, впервые видя Алексеева и не догадываясь, кто он. Сержанты тогда сбегались в канцелярию и заискивающе приветствовали нового командира, в особенности Авдиенко с Дубовиковым, которым он прежде был прямым начальником, но тот всем отвечал холодно. Алексеев переговорил с Молотовым, затем немного с Бабенко и Кутузовым, а после удалился, больше не проронив ни слова.

– Рота, рота! Прямо! – командовал Алексеев теперь ядовито, шагая во главе строя и внимательно следя за каждым движением своих подчинённых. Когда он отворачивался, порядок в строю нарушался, солдаты незаметно перешёптывались, смеялись и дурачились.

Так продолжалось довольно долго к явному неудовольствию сержантов, шедших по дороге вне строя. Они все время делали замечания курсантам, но то не оказывало действия. Наконец беспорядок перешёл все границы, солдаты разболтались и сбили шаг, что тут же заметил Алексеев. Он тогда обернулся, сурово посмотрел на подчинённых.

– Стой! – скомандовал он злобным мерзким голосом, и бойцы замерли, не представляя, чего можно ожидать от нового командира.

Огромная растянутая масса народа, уставшая и больная, обременённая различными тяжеленными грузами, но всё же живая и радостная, теперь остановилась в оцепении, а всё веселье мгновенно прекратилось.

– Ну всё, доигрались, теперь неизвестно что будет, – тотчас же послышался чей-то голос в строю.

– Кругом! – прокричал Алексеев, обнажая неровные желтые зубы. – До переезда бегом марш!

С большим трудом повернувшись, рота тяжело и лениво двинулась в обратную сторону, к переезду, до которого было около трёхсот метров.

– Вас же предупреждали, что так будет, и то ещё цветочки! – приговаривали Миронов, Авдиенко и Фоменко по очереди, умело подгоняя пинками отстающих.

Дубовиков довольно ухмылялся, толкал выбивающегося из строя нерадивого Башмакова. Башмаков, истощённый и весь мокрый, неуклюже перебирал ногами, спотыкаясь и едва не падая. Наконец, когда Дубовиков нагонял его, Башмаков сваливался в середину строя, цепляясь за все подряд. Лишь общими усилиями его удерживали на ногах, брали под руки и помогали ему бежать дальше.

Пробежка оказалась более, чем трудной, поскольку и так солдаты запыхались от скорого шага и громоздкой ноши. Алексеев командовал бежать быстрее, и ругал сержантов, чтобы те торопили новобранцев. Стоя на прежнем месте, он издали наблюдал, как движимая тягой последнего взвода зелёная человеческая масса на переезде с шумом сталкивалась, затем неумело разворачивалась, роняя ящики, снаряжение, падая, и затем плелась обратно. Опытный офицер не отпускал своей хватки, командовал: «Строевым, марш!». Тогда задача ещё осложнялась, и бойцам приходилось тянуть носок ботинок, делать отмашку руками и держать спину ровно. Алексеев стоял весь из себя и наблюдал, как рота с усердием проходит перед ним.

– Вы, ослоёбики, будете у меня ходить нормально, или будете бегать! Я вам это обещаю! Строевым идём, я сказал! Носок тянем, голову вверх, спины прямые, ноги ровные! Ещё раз собьёте шаг, побежим обратно до полка! – кричал он, но солдаты сами старательно отбивали шаг, шли проворно и размашисто, словно и не ощущали усталости.

– Лучше уж нам пройти строевым до ТОГа, чем бежать обратно, – шутливо шептал Родионов Масленникову. Тот улыбался в ответ, но сдержанно и незаметно. Расплывшиеся в улыбках сержанты шли рядом, и Авдиенко весь сиял, словно говоря: «Надо было меня слушать!»

Танковый огневой городок, или ТОГ-18, являлся одним из учебных объектов, принадлежащих обоим танковому и пехотному полкам. Построен он был в далёкие семидесятые годы, и всё говорило о том, а в особенности выцарапанные надписи с торца строения вроде «ДМБ 78», «ТАГИЛ 79» и им подобные. Внешне ТОГ представлял собой вытянутое кирпичное здание с восемью огромными гаражами для техники, с учебными классами на втором этаже, а в середине строения с большой наблюдательной вышкой. Пятиметровые металлические ворота располагались по обе стороны вышки, сквозь них внутрь загонялась техника, и прямо из гаражей велась стрельба в огневое поле. В этих сплошных гаражах стояли шесть танков и две БМП, двигатели их были сняты, а вооружение подключалось к электросети городка. Вдали на огневом поле находились мишени, обозначающие неприятельских солдат, пулёмётные гнёзда, технику противника. На расстоянии четырехсот метров от городка был на столбах натянут железный трос, по которому должна была двигаться, но уже десятилетия не двигалась, мишень, подражающая воздушной цели – вертолёту.

Бойцы первой танковой учебной роты, оказавшись внутри ТОГа, были невероятно впечатлены его размерами и образом. Здесь в огромных залах высотой с десяток метров, широких и просторных, царили холодные, всеобъемлющие темнота и мрак, только редкие одинокие лучики света сквозь щели в старых воротах неохотно проникали сюда. Темнота и мрак эти скрывали в себе различные неизвестные приспособления, механизмы и учебные тренажеры, брошенные и забытые много лет назад, усопшие под плотным слоем пыли и ржавчины. Новобранцы, войдя внутрь, глядели по сторонам и не видели ничего совершенно, но чувствовали,

что где-то дальше в этой беспроглядной глубине, подобно сказочным чудищам, неслышно спят грозные черные танки.

Когда рота построилась внутри в левой части городка, курсанты всё ещё с удивлением осматривались, предвкушая увлекательные занятия. Особенно впечатлительные уже благодарили судьбу за щедрую возможность прикоснуться к боевым машинам, увидеть их в действии, управлять ими. Алексеев стал во главе строя, командовал, и вскоре призвал к себе всех офицеров и сержантов, раздавая указания. Работы по проведению стрельбы было много, уже через десять минут каждому в роте было поручено какое-либо дело. Курсанты принялись под присмотром сержантов и офицеров готовить к стрельбе объект и танки. В приятном волнении и с большой охотой они взялись за работу, при малейшей возможности восторженно осматривая неподвижные боевые машины.

Очень скоро, однако, танкистам открылось истинное положение дел. ТОГ-18 не эксплуатировался вот уже полгода, и сюда не входила с середины зимы ни одна живая душа. Смотритель за объектом, который назначался из сержантов БОУПа, уволился ещё в мае, а новый появился совсем недавно. Он едва разбирался во всех здешних устройствах, да и не мог бы разобраться, потому как электросеть ТОГа составлялась опытными электриками и была предельно сложна. Свои обязанности смотрителя этот молодой сержант вовсе и не знал до недавнего времени, когда командир танкового батальона обратился к командиру БОУПа с заявкой на проведение учебной стрельбы. Тогда в БОУПе началось невероятное оживление по поводу приведения учебных объектов в надлежащее состояние, но было слишком поздно. Младший сержант-смотритель, а также сопровождавший его рядовой в ответ на любой вопрос лишь разводили руками, повторяя заученные слова о недостаточности материального обеспечения.

Так, когда новобранцы стали открывать ворота, их мощные проржавевшие петли заскрипели и заскрежетали, выплевывая рыжие комья пыли. Старые толстые тросы, поддерживающие воротины, натягивались и рвались, падали сверху с оглушающим грохотом, дребезжа и треща, но воротины никак не двигались. Наконец солдаты взяли ломы и сделали рычаги, несколько человек снаружи прикрепили канаты и потянули одновременно, тогда только посредством колоссальных усилий ворота раскрылись.

Родионов и Прокофьев в это время, получив отдельную задачу, отправились осматривать учебные комнаты на втором этаже. Поднявшись по крутой лестнице, они оказались в длинном коридоре с множеством дверей. Всё здесь выглядело унылым и покинутым: ни одной лампочки в коридоре не было, с потолка лишь свисали обрывки проводов, бледные зелёные стены были обшарпаны, краска с них сыпалась от прикосновений, а местами целыми кусками отделка обваливалась, обнажая пожилые советские кирпичи. Тёмный бардовый пол со сломанными провалившимися досками по щиколотку был усыпан мусором, битым стеклом и обрывками старых газет.

– Вот же запустелость! – восклицал Прокофьев, осматриваясь по сторонам.

– Совсем похоже на заброшенные здания в какой-нибудь далёкой глуши, – отвечал ему Родионов.

– Нет же, это объект главной танковой учебки.

– Эх, жалко... Наверное, хорошо было когда-то?

– Давай упадём где-нибудь здесь, «загасимся», там ещё долго ничего не начнётся, – предложил Прокофьев.

– Надо только аккуратно, чтобы не поймали, – согласился Родионов.

Молодые люди опустились на стулья со сломанными спинками в одной из учебных комнат. Молча рассматривая цветные плакаты на стенах о правилах прицеливания и стрельбы, они думали каждый о своём. Изредка они взглядывали на часы, прислушивались к шуму и голосам снизу. Осторожный ветерок резво пробирался с улицы внутрь, играя с пластинками разбитых стёкол в оконных рамах. Пробегая по затхлой комнате, осматривая всё, что здесь имелось, он

с любопытством заглядывал в каждый угол, под каждую половицу. На скривившихся полках он находил пожелтевшие военные учебники и потешно раздувал их страницы изящным веером. Вскоре, однако, этот юный и неумолимый озорник, в котором заключалась сама жизнь, начал чувствовать неприятный гнёт, который здесь создавали разруха и запустение. Несмотря даже на яркие солнечные зайчики, пробегающие по стенам, близкий шум молодой листвы снаружи, всё здесь говорило о безысходном угасании, о медленном и жестоком воздействии времени. Принимаясь за всё спокойно и цинично, оно с ледяным равнодушием перемалывает что угодно, превращает любую радость в безмолвное прошлое. Так, ветерок сбегал отсюда скоро, оставляя в печальном одиночестве городок, его постаревшие комнаты, гнилую мебель и облезлые макеты танковых снарядов.

– Посмотри, Миша! – окликал Прокофьев товарища, погруженного в свои мысли. – Бедняга не смог найти выход.

Он указывал на бесцветную иссохшую тушку крошечного воробья, который, видно, залетел сюда по ошибке через разбитое окно. Не сумев отыскать обратного пути, птенец измучился от голода и вскоре нашёл здесь свою страшную погибель. Солнечные лучики освещали его бессильное тельце, рисуя дивное сосуществование жития и смерти.

– Такое это место. Здесь как будто кто-то живёт, кто-то злой, – рассуждал Родионов.

– Мне кажется, с этим местом связано множество интереснейших историй!

– Вряд ли кто-то нам их расскажет. Всё здесь уходит, утекает... Пройдёт пара месяцев, и мы тоже уедем. Никого здесь не будет никогда, такая судьба у этого места, – говорил Родионов, глядя на несчастного воробья.

Тем временем усиленная подготовка к стрельбе завершалась. Все необходимые перемещения были сделаны, пулемёты на танки были установлены, учебные места организованы. Первая рота, разделённая на учебные группы по шесть человек, построилась в левом крыле городка, с нетерпением ожидая начала стрельб. Но стрельбы никак не начинались. Наверху, на вышке, отделённые от курсантов толстым стеклом, ходили из стороны в сторону Алексеев и Молотов, с жаром о чём-то споря. Там же на пункте управления с ними находился смотритель объекта, некий младший сержант Ефимов, ещё трое курсантов в качестве наблюдателей и младший сержант Бейфус. Наблюдатели расположились у перископов и старательно отыскивали на огневом поле укрытые мишени.

Причиной бездействия был один казус, столь свойственный различным армейским мероприятиям, приведший в полную негодность все часовые приготовления сотни людей. На ТОГе-18 за десять минут до начала стрельбы отключилась подача электричества. Прицелы в танках, мишени в поле, связь и гудки оповещения, всё, что было необходимо, не работало. Алексеев, разгоряченный полной невозможностью действовать, обрушивался на испуганного Ефимова, который нервно жал все подряд кнопки на пульте управления огневым полем. Молотов, как мог, сдерживал порывы коллеги и звонил ответственному за происходящее командиру БОУПа.

Рота в томительном ожидании простояла целый час, в сущности не двигаясь, под постоянным наблюдением презлющего Алексеева. Наконец электроснабжение наладили, в гаражах включился свет, лампы и приборы в танках засверкали разноцветными огоньками, а радиостанции глухо зашипели. На огневом поле вдалеке поднялись и поплыли на исходные рубежи изрешеченные пулями зелёные мишени. Вскоре раздалась команда приступить к занятию, и учебные группы разошлись по своим местам. Родионов, попавший в первую шестёрку, остался на месте, пленённый видом неподвижных мрачных чудовищ. Четыре огромных танка застыли от него в паре метров, на башнях их блестели красные и желтые лампочки, а из раскрытых люков выбивался тёплый мягкий свет.

Лейтенант Бабенко, проводивший на этом участке стрельбу, некоторое время ещё разъяснял задачи сержантам. Авдиенко, Дубовиков и Фоменко помогали ему здесь, а другое крыло

должны были занять Логвинов и Старцев. После сержантов Бабенко десять минут инструктировал курсантов, но больше он ругался и предостерегал от глупостей. Наконец прошёл приказ действовать, солдаты взяли на столе уложенные шлемофоны, тут же пряча тангенты за пазухи кителей. Спустя несколько минут они получили у Курилова на пункте боепитания металлические цинки с пулеметными лентами. Цинки эти в большинстве случаев страдали от ржавчины, были всячески изогнуты и не закрывались, но для выполнения упражнения, в общем-то, подходили. Родионов первым делом раскрыл свой цинк и достал короткую пулемётную ленту с двенадцатью патронами, оба конца которой были неумело перекушены кусачками. Забавный вид этой обрезанной потёртой ленты его повеселил, но и воодушевил, и в который раз уже он подумал, что всё происходящее с ним весьма занимательно.

Взяв цинки под мышки и став позади боевых машин точно в обозначенных на полу кружках, курсанты приготовились. Наставники-сержанты, что выполняли роль командиров танков, стояли рядом и давали указания, но их почти не слушали. Лёгкое беспокойство испытывал в те минуты каждый начинающий стрелок, и взгляды многих были устремлены на командную вышку, где Алексеев с кем-то разговаривал по телефону.

«Включаем зеркало гироскопа, ждём тридцать секунд, включаем червячную пару, ждём минуту... Стреляем по центральноугольнику с поправкой на дальность по пулемётной шкале... три цели, двенадцать патронов, так...» – думал про себя Родионов, вспоминая то, что должно было понадобиться в упражнении. Теперь, когда десяток часов зубрёжки прошёл и условия стрельбы были выучены как таблица умножения, в голове всё внезапно поплыло, смешалось. Одна мысль насакивала на другую, руки дрожали, и все изученные понятия спутались.

Внезапный, громкий звон возвратил Михаила в настоящее. Это высокий и короткий звук сирены раздался, после чего голос Алексеева послышался по громкой связи во всём городке.

– Экипажи, по машинам! Посторонние все вышли! – командовал он строго.

Бойцы устремились к своим танкам и стали забираться на них, как и требовалось, по бортам. В некоторых местах здесь для удобства были прилажены небольшие лестницы. Курсанты и сержанты быстро оказывались наверху, пробирались в узкие люки и занимали положенные места. Тут Родионов на мгновение поднял глаза и обнаружил себя на броне многотонной суровой машины. Он порадовался, улыбнулся, и ловко проскользнул в люк наводчика. Внутри его окутала плотная темнота, и только наощупь он мог ориентироваться. Места было решительно мало, повернуться более чем на девяносто градусов в сторону было невозможно. Слева локоть руки уже упирался в пульт управления дымовыми гранатами, а дальше в стенку башни. Правый локоть упирался в тонкую защитную стенку, отделяющую пушку от наводчика. Перед Родионовым, всего в двадцати сантиметрах от его лица находился имеющий с десяток различных кнопок и переключателей прицел. Через несколько секунд справа от Михаила включился свет. Дубовиков, находящийся на командирском месте, нащупал включатель, и теперь потянулся к наводчику за цинком. Родионов, очарованный строгим и убористым порядком боевых механизмов, забыв обо всём, глазел по сторонам, разглядывая каждую деталь. Он прочитывал надписи и указания на дневном и ночном прицелах, на пушке, вспомогательных панелях, бортах башни, и с искреннею радостью осознал, что всё в этой огромной сложной боевой машине, до последнего винтика – всё своё, русское и родное, выдуманное умами и рождённое руками соотечественников, и, возможно, всё это лучшее в мире.

– Родионов, идиот! Цинк давай! Прицел включай! Чего считаешь ворон? – прокричал ему Дубовиков со своего места, но эти крики показались слабыми и далёкими, потому как приглушались плотными наушниками шлемофона.

Всё же Родионов пришёл в себя, вспомнив об их важной миссии. Он передал цинк с патронами Дубовикову и принялся точно исполнять свои обязанности. С впечатляющей подвижностью и лёгкостью он включился в работу, безошибочно и умело исполняя всё, что требовалось от наводчика. Первым делом он подключил шлемофон к радиосвязи, и тогда

в наушниках раздались прерывистые голоса участников стрельбы. В радиозфире уже царило невероятное оживление, но переговоры были кратки и по существу. Пока Дубовиков докладывал, Родионов потянул на себя крышку люка, и та податливо опустилась вниз, оставив лишь небольшую щель. Родионов взялся за её рукояти и повис на них. Люк закрылся полностью, и Михаил повернул рукояти в стороны, стопоря его. Внутри в башне танка стало устрашающе мрачно, освещение поступало лишь от крохотной лампочки над головой Дубовикова. Михаил попытался включить своё освещение, переключатель щёлкал, но свет не работал. Тогда Михаил нажал поочерёдно некоторые тумблеры на панели наводчика, ожидая короткие промежутки в полминуты, затем принялся в темноте нащупывать небольшой рычаг на боковой стороне прицела, отвечающий за вертикальное движение пушки. Чтобы его достать, необходимо было грудью прижаться к прицелу и правой рукой потянуться в узкое пространство между ним и стволом пушки. После короткого щелчка некоторые лампочки на прицеле загорелись, а его окуляр засиял слабым жёлтым огоньком. После этого Родионов потянулся вниз к своим ногам, к механизму червячной пары, примерно туда, где, как учили, находилась необходимая рукоять. С большим трудом впервые отыскав её, он стал поворачивать её влево до упора и стопорить. Когда то было сделано, где-то внизу, под его ногами и рядом раздалось необычное жужжание движущихся частей башни. Михаил выждал минуту, с любопытством прислушиваясь ко всем создающимся звукам, и затем глянул в окуляр прицела.

Поле для стрельбы, обширное и растянутое, выглядело бескрайним и размытым. Пересечённое бесконечными оврагами, жёлто-зелёное, оно тонуло в естественном однообразии цветов. Густая трава и кусты колыхались на ветру, вдали кромки деревьев безмятежно раскачивались, в то время как стволы их были разбиты напрочь пулемётным огнём. Родионов подкрутил необходимый регулятор, настроив максимальную чёткость зрения. Чуть дрожащими руками он взял «чебурашку» – коричневый пульт управления огнём, любовно прозванный так советскими танкистами. Родионов повернул пульт влево-вправо, и многотонная башня боевой машины податливо стала повторять эти движения. Направив «чебурашку» вверх-вниз, Михаил убедился, что толстенная, до тех пор словно окаменелая пушка бегло и точно принимает необходимый угол наклона. Невероятная живость огневой системы поразила курсанта, ведь прежде он мог судить о танковых механизмах в основном по увиденному в кино, где танки зачастую представлялись грозными и мощными, но крайне неуклюжими.

– Работает! – счастливый, прокричал Родионов Дубовикову.

– Понятное дело, что работает! Ставь пушку как надо! – отвечал тот.

Михаил установил пушку прямо на угол азимута тридцать и в почти горизонтальное положение. Дубовиков принялся заряжать пулемёт и подключать его к электроспуску. На это у него ушла пара минут, после чего он стал докладывать.

– «Вышка», я «Броня-3», к бою готов, нагнетатель включён! – говорил он, зажимая кнопку внешней радиосвязи.

– «Броня-3», принял, – ответили ему из командного пункта.

Вслед за этим последовали доклады с других машин, и через пять минут уже все были готовы к стрельбе. Тогда прошла ещё минута ожидания, на время которой в эфире воцарилась полная тишина, и только равномерный гул танковых механизмов нарушал спокойствие полумрака внутри машины. Родионов с большим трудом мог усидеть на одном месте, он заглядывал в конвейер, в окуляры прицела, посматривал на скупающего Дубовикова. Наконец раздалась команда по радиосвязи и по громкоговорителю, то был сигнал к началу стрельбы. Михаил припал к окулярам и стал внимательно рассматривать огневое поле. Секунд тридцать ещё ничего на нём не менялось, однако затем довольно близко поднялись три мишени, по форме своей напоминающие небольшие автомобили. Появившиеся на расстоянии не более четырёхсот метров, тщательно замаскированные искажающим окрасом и сетью, они сливались с рельефом, так что очертания их трудно было различить. Мишени поднялись тяжело и лениво, но через

мгновение прытко понеслись в разные стороны, то замедляя, то ускоряя свой ход. Михаил, однако, не растерялся, и рьяно повёл центральноугольник прицела за мчащейся мишенью. Взяв опережение в полфигуры, он несколько раз нажал на кнопку пулемётного огня, однако ничего не произошло. Родионов вопросительно поглядел на Дубовикова. Тот наблюдал в свой прицел за уходящей мишенью, а ощутив остановку башни взглянул на наводчика.

– Стреляй, чего сидишь?! – злобно прокричал он.

– Не стреляет, я жму! – отвечал среди шума Родионов. Он стянул с одного уха шлемофон и услышал снаружи непрерывные пулемётные выстрелы, звуки работающих танковых механизмов.

– Куда жмёшь?

– Да всё жал, не работает!

Тогда только Дубовиков посмотрел на пулемёт, проверил его ещё на заряженность, и затем взглянул на электроспуск. Как он и предполагал, потрёпанный и местами стянутый простой изолентой, с кое-где торчащими проводами, электроспуск не работал.

– Будем вручную стрелять, кричи, когда нужно! – прохрипел он мальчишеским голосом.

Родионов вновь припал к окулярам и стал высматривать мишень. Дубовиков внимательно следил за ним, обхватив пулемёт двумя руками и готовясь нажать на спуск.

– Огонь! – прокричал Михаил, и тут же его командир среагировал.

В прицел Михаил тогда увидел короткую очередь выстрелов, обозначаемую трассирующей пулей. Очередь прошла несколько ниже цели, и Михаил скорректировал огонь. Он видел, как мишень, не пройдя всего намеченного пути, замерла и опустилась.

Стрельба продолжалась не больше минуты, но за то время, казалось, произошло многое. Шесть танков, имея в распоряжении всего по двенадцать патронов, одним лишь пулемётным огнём устроили настоящий бой. Кругом раздавались выстрелы, слышны были движения танковых башен и пушек, переговоры в эфире не умолкали. Наконец «броня» стала докладывать по очереди об окончании стрельбы, а «вышка» стала принимать доклады. Тогда командиры танков давали указания отключать все системы и строиться на прежних местах. Через несколько минут после завершающего выстрела танки вновь были неподвижны, пулемёты разряжены, а экипажи стояли позади машин. Вскоре с вышки спустился Алексеев. С серьёзным выражением лица, он шагал быстро и решительно. Он произнёс продолжительную речь, в которой коснулся и глупости стрелков, и безответственности их командиров, после чего, наконец, скомандовал меняться экипажам.

Учебные стрельбы, таким образом, встречая типичные для армии неожиданные препятствия и сложности, продвигались как-нибудь с весьма посредственным результатом. Вновь несколько раз отключался свет, нарушалось соединение танков с электричеством, клинили пулемёты, не поднимались мишени, и происходило ещё много всего, о чём нельзя было даже предположить. Так или иначе, рота отстрелялась к пяти часам, отобедав прямо в городке, и вскоре занялась подготовкой к ночной стрельбе.

Всё последующее тем вечером было совершенно похоже на дневные упражнения, с той лишь разницей, что к перечисленным поломкам и случайностям добавились проблемы с ночными прицелами, которые не включались, были засвечены или вообще не настроены для стрельбы. Около девяти вечера, однако, когда густая чернота спустилась всюду, оставляя сплошь невидимым всё на расстоянии более тридцати метров, безвинную благодать ночи нарушил крутой дребезг пулемётной стрельбы. Лампы, подсвечивающие мишени, не работали, и стрелять курсантам приходилось почти что вслепую, по неявным серо-зелёным очертаниям в «ночниках», либо как-нибудь через дневной прицел, так что пули летели в небо, в верхушки деревьев, в причудливые изгибы оврагов, да куда угодно, но редко – в цель.

На ТОГе к той минуте, хотя днём там царили образцовый порядок и дисциплина, всё стало хаотичным и развязным. Часть офицеров и сержантов покинула ТОГ, им Алексеев

предоставил решать прочие задачи, а потому оставшиеся без надзора группы курсантов слонялись всюду, лоботрясничая. Изредка только кто-то из сержантов обращал на них внимание и наказывал бегом по лестнице, отжиманиями в противогазах и прочим. Тогда курсанты, утомлённые и сонные, усаживались на плащ-палатки на лестнице, в коридорах, на улице и, полные равнодушия, ожидали окончания уже надоевших стрельб.

Родионов и Прокофьев, отстрелявшись, болтались вместе со всеми на виду у Курилова, занятого по-прежнему на пункте боепитания, однако вскоре поняли, что никому до них нет дела. Молодые люди незаметно ускользнули и направились на второй этаж. Там они повторно обошли этаж в поисках чего-либо интересного, затем прошли в уже облюбованную комнату, уселись за парты и стали откровенно дурачиться, раскачиваясь на стульях и пытаясь набросить свои кепки на одиноко стоящий муляж фугасного снаряда.

– Видел на самом верху железную дверь? – спросил, наконец, заскучавший Прокофьев товарища. – Как думаешь, куда она ведёт?

Родионов взглянул на него и понял тут же мысль, хотя в безраздельной темноте даже не видел его лица.

– Нам не сладко придётся, если нас поймут, – говорил Родионов, медленно поднимаясь.

– Ничего, осторожно будем, идём, взглянем, – с этими словами Прокофьев вскочил со стула и, стараясь ступать бесшумно, направился к лестнице.

Родионов, оглядываясь по сторонам, торопливо пошёл за ним. Никто не следил за их передвижениями, и услышать их было невозможно из-за стоящего кругом шума. Через минуту они поднялись на самый верх лестницы, откуда толстая обитая жестью дверь вела на крышу. Ручка её была проволокой примотана к торчащему из стены крюку. Прокофьев ловко размотал эту привязь и толкнул дверь, но она, едва ли подвинувшись, издала оглушительный звонкий скрежет.

– Подожди, пока начнут стрелять, и тогда пойдём, – проговорил Родионов.

С минуту молодые люди ожидали новых очередей стрельбы. Как только первые выстрелы раздались, они вдвоём с плеча толкнули дверь, и та, прохрипев отчаянной металлической звонью, распахнулась. Перед молодыми солдатами огромным куполом открылось подобное безбрежному морю ночное небо с россыпью ярчайших бриллиантов-звёзд.

– Ох, гляди, как здорово! Не зря мы сюда пришли... – сказал Прокофьев и поспешил вперёд.

Курсанты вышли на крышу и, обольщённые сказочной красотой, стали засматриваться кругом и над собой, пытаясь враз взглядом охватить всё небо. Головы у них кружились, и они прекращали, останавливались, чтобы перевести дух. Впереди и внизу искрились яркие огоньки трассирующих пуль. Огоньки вырывались стремительно из раскрытых ворот и мчались через поле, угасая где-то в конце его, среди густого леса. Иногда они отскакивали, сталкиваясь с камнем или мишенями, и прыгали, точно салюты, ровно вверх, постепенно замедляясь и перегорая. Зрелище то было чарующее, сражающее своим прекословным благолепием. Так похожи были мелькающие внизу огоньки смертоносных пуль, несущих в себе гибель и вечность, на застывшие сияющие звёзды, которые сами, вероятно, уже погибли, и в которых тоже скрывалась вечность.

– Отличное место! – проговорил Родионов и бросил перед собой плащ-палатку.

Они сели, Прокофьев закурил, с наслаждением пуская плотные клубы дыма.

– В танке при стрельбе, оказывается, ещё больше дыма, чем ты тут пускаешь, – говорил ему Родионов.

– Надо будет ещё там покурить, – отвечал Прокофьев, растягивая свою сигарету.

– Ещё успеешь. Чувствую, если столько всякой кутерьмы случилось за неполный месяц, мы ещё нахлебаемся.

– Погоди, вот что у меня есть, – и с этими словами Прокофьев достал из кармана маленькие леденцы и протянул товарищу.

– Откуда это? Армейские? Что, теперь будут давать конфеты?

– Да, сегодня давали, Шарик ездил за обедом, там две коробки дали на роту.

– Так если Шарик ездил, то мало кто их получит.

– Наш взвод получит. Во всяком случае, мы точно получим, я с ним договорился, – сказал, расплываясь в улыбке, Прокофьев.

Молодые люди так любовались зрелищем ночных стрельб, смеялись, ели леденцы. Прокофьев много курил и всё приговаривал: «Как же хорошо курить не спеша, неторопливо!». Тёплая ночь была нежна и безветренна, воздух свеж, а настроение у курсантов лёгкое и возвышенное. Они не говорили о том, что всё только начинается, а время тянется, что ждать и служить ещё очень долго, а думать об этом сложно. Они лишь вспоминали весёлые минуты из прошлого, рассказывали забавные истории и курьёзы, произошедшие в той, другой жизни. На душе у них было сладко от этих воспоминаний и казалось, что не совсем плохо жить сухо и по-армейски, если только порою отдыхать душой, согреваясь разговорами о прошлом.

Как-то раз в конце июля рано утром лейтенант Кутузов спешно вошёл в расположение. Он был в прекрасном настроении, бодр и целиком поглощён собственными притязательными мыслями. То была суббота, парко-хозяйственный день во всей российской армии, и танковая рота, разделённая на команды, занималась уборкой казармы, парка и территории полка. Как правило, все работы заканчивались к обеду, или спустя пару часов после него, а затем солдаты занимались тем, что приходило волею случая в голову их командирам. Кутузов вошёл, обругал дневального, оглядел расположение, по-свойски подурачился, отдал множество нелепых указаний и вскоре скрылся.

После обеда Кутузов появился вновь, нацепил свою командирскую сумку и приказал роте строиться. Сержанты и солдаты были в полном недоумении, но приготовились к беспокойным неожиданностям. Кутузов, разгуливая по центральному проходу туда-сюда, произнёс продолжительную речь о важности боевой и тактической подготовки. Закончив, он приказал получать всем оружие и снаряжение. Дежурный по роте Старцев изумился. Он рассчитывал, что суббота пройдёт как можно более спокойно, а теперь предстояло вскрывать комнату для хранения оружия и выдавать всем автоматы. То была ответственная и нервная работа, в которой требовалось быть максимально внимательным. Через минуту всё в казарме пришло в движение. Раздвинутые и ещё не поставленные на свои места кровати, тумбы, вешалки с бушлатами, полки с противогазами и прочим были брошены как есть, разведённая на полу мыльная пена осталась не смытая, и теперь девяносто человек шлёпали по ней ботинками. Попытка Старцева организовано и необходимым порядком выдать имущество каждому солдату под роспись вскоре была признана несостоятельной. Сержант спустя десять минут плюнул на это дело и скомандовал забирать всё, что нужно. Тогда по пятеро бойцы входили в оружейку и выносили все, что могло попасть под руку – автоматы, шлемы, подсумки и штык-ножи. На выходе они сбрасывали всё на пол посреди прохода, и здесь солдаты разбирали снаряжение по биркам со своими фамилиями. Кутерьма и балаган продолжались десять минут, но к великому удивлению многих никто ничего не потерял и не сломал.

– Если что-то профукаете, и мне потом не хватит в оружейке, будете рожать, так и знайте! – проговорил напоследок Старцев.

– Не «очкуй», Старый, всё будет путём, твои бойцы всё вернут, если не погибнут в бою, – задорно отвечал ему Кутузов. – Рота, на улицу, шагом марш!

Рота вскоре строилась перед казармой с вещмешками, саперными лопатками, автоматами и прочим, а кое-кто даже в бронежилетах. В таком виде, увешанные снаряжением, даже в больших висящих кителях, шлемах, напользавших на глаза, курсанты выглядели подтянуто

и молодцевато. Солнце жарило беспощадно, не было и малейшего дуновения ветерка, так что праздно проходящие мимо солдаты других подразделений сочувственно оглядывали вспотевших танкистов.

– Куда же вы собрались? – спрашивали мотострелки и смеялись. – Воевать, что ли, идёте?

– Товарищ лейтенант, а мы далеко выдвигаемся? Сегодня же нет занятий по расписанию. В шесть вечера всех сержантов собирают в штабе, вы знаете? – обходительно спрашивал Дубовиков Кутузова.

Но молодой лейтенант молчал, как партизан, и был настроен решительно. Диковатый блеск в его глазах всех беспокоил. За непродолжительное время знакомства с Кутузовым каждый курсант понял, что ожидать от него можно чего угодно.

– Правое плечо вперёд, шагом марш! – скомандовал он, и широкая людская гуща, отягощённая разными военными приспособлениями, двинулась вперёд.

Однако к всеобщему удивлению марш закончился сразу как только начался. Рота лишь обогнула здание казармы и остановилась. Здесь располагался небольшой учебный полковой полигон. Он представлял собой боевую позицию пехотного взвода с укреплениями: вдоль и поперёк земля была изрыта траншеями и окопами в несколько рядов, укрытыми за массивными брустверами. Окопы по стенкам были обшиты досками, а сверху укрыты маскировочными сетями. В начале этого защитного рубежа находился учебный караульный городок, а рядом с ним различные стенды, посвященные метанию гранат и их устройству. Дальше на сотню метров до самого забора и КПП простирался редкий сосновый лес.

Первая учебная танковая рота построилась на «нейтральной полосе», между окопами противоборствующих сторон. Кутузов, став перед строем, оглядел путающихся в догадках солдат, затем заговорил.

– Вот сегодня и настал для вас торжественный день, – заговорил лейтенант то ли всерьёз, то ли в шутку. – Тот самый день, когда многие из вас погибнут в бою с гордостью, достоинством и честью, а остальные примут боевое крещение и станут настоящими воинами. Но перед этим вас ждёт много испытаний...

Кутузов долго произносил свою речь, должно быть, представляя себя боевым командиром, провожающим своих солдат в решающее сражение. Курсанты, ошеломлённые и недоумевающие, округлившимися глазами следили за каждым его движением. Некоторые взволнованно переглядывались, и только пара человек тут же смекнула, что всё это шутовская безделица, рождённая большим кутузовским воображением.

– Слушай боевую задачу. Рота наступает на участке, где противник имеет значительное численное превосходство. Первый взвод получил приказ на рассвете продвигаться вперёд и с боем занять вражеские позиции...

Кутузов расхаживал перед строем и разъяснял «боевую задачу». Он для того придумал весьма значительную предысторию к войне между двумя государствами, рассказал о напряжённом положении на передовой и назвал крайне ответственной и важной текущую задачу по захвату вражеского окопа, после выполнения которой начнётся полномасштабное наступление. Кутузов дальше разделил роту на боевые тройки и назначил командира каждой из них. Затем он рассказал, как мог, о тактике общевойскового боя, передвижении подразделения на поле боя, занятии рубежей и ведении огня. Всё это относилось, разумеется, к пехотной тактике, изучалось всеми родами войск лишь на первых порах с целью составить представление у солдат о порядке ведения современной войны. Однако под разными предлогами до сих пор ни одного тактического занятия у новобранцев не было, и они даже не представляли себе, как осуществляется наступление, оборона, или хотя бы как выглядит поле боя из окопа. Хотя Кутузов и сам не обладал глубокими знаниями в том, о чём рассказывал, всё же он научил курсантов чему-нибудь своими небольшими усилиями.

Наконец, когда лейтенант завершил творческие излияния, первый взвод отправился к исходному рубежу. То была обширная поляна с густой высокой травой в ста метрах от первого вражеского окопа. Бойцы стали в ряд, пригнулись и оказались почти полностью укрыты от посторонних глаз. Кутузов находился где-то дальше на середине поля боя, внимательно следя за происходящим, держа в руках указательные флажки.

В это время стал накрапывать маленький и свежий дождик. Не обращая внимания на яркое разогретое солнце, он шёл кротко и неплотными каплями, лишь иногда усиливаясь. Такой дождик был ни к чему, он не освежал и не питал землю, влага от него почти сразу испарялась, удерживаясь лишь немного на траве и листьях. В рядах солдат всюду послышалось недовольство и ворчание.

– Вот ещё не хватало... Какая собака его вообще укусила, этого Кутузова? Так неплохо начинался день, – спрашивал Родионов окружающих, но все также находились в полном недоумении.

– Да он сам может себя укусить случайно и заразиться бешенством, – говорил кто-то.

Нерушимая тишина создалась вокруг. Ветер едва колыхал высокую молодую траву, небо беззаботно отливало золотом солнечных стрел, а где-то совсем низко на толстой ветке высокой сосны ворковали воробьи. Три десятка вооружённых солдат притаились под нею не шевелясь, не издавая ни звука, прислушиваясь к равномерному стуку капель дождя по магазинам. На стволах смертоносного оружия устало мерцали оголённые наточенные штык-ножи, изредка верхушки стальных шлемов приподнимались над укрытием, и любопытные командирские взоры обегали площадку предстоящего боя, оценивая обстановку. Кутузов, отошедший на значительное расстояние, тщетно пытался рассмотреть что-либо там, где прятались солдаты.

Через несколько минут ожидания, когда курсанты уже с нетерпением спрашивали друг друга, что там впереди происходит, Кутузов наконец поднял белый флажок вверх. То был условный сигнал для командиров.

– Внимание! Приготовиться! – раздалась всюду голоса в укрытии. Сидящие на земле расслабившиеся бойцы поднялись и заворчали. Все сели в полной готовности и крепче сжали автоматы.

Но Кутузов внезапно поднял два флажка в руке и стал вращать ими над головой.

– Газы, газы! – раздалась среди солдат тревожные крики. Бойцы тут же, прижав автоматы к груди одной рукой, другой быстро стали доставать и надевать противогазы.

Через десять секунд все были вновь готовы к бою. Теперь с автоматами и в броне, в противогазах и шлемах исхудавшие усталые мальчишки походили на грозных и жутких иноземных существ. Дыхание их стало сдавленным и неровным, вместо сияющих мечтательных юношеских глаз лишь обезличенные пятна грязных стёкол равнодушно глядели из-под шлемов.

– Вперёд, в бой! – раздалась глухие крики, и Родионов, воодушевившись, едва не бросился вместе с первыми рядами атакующих вперёд.

– Вторые номера пошли! – прозвучала немного спустя команда, и следующая шеренга атакующих поднялась.

Родионов вскочил и помчался вперёд зигзагами, едва не сталкиваясь слева и справа с товарищами, на ходу кое-как протирая стёкла противогаза. Он чувствовал тут же, что бежать с массой снаряжения неудобно и тяжело. Плотная влажная трава к тому же связывала ноги, камни, кочки и разные пни попадались всюду, как будто нарочно пытаешься свалить молодого солдата. «Двадцать один, двадцать два, двадцать три, двадцать четыре» – считал про себя Михаил во время короткой перебежки. «Пять секунд в среднем снайпер прицеливается, и это время у вас есть на поле боя, чтобы перебежать от одного укрытия к другому. Если больше – смерть!» – эмоционально рассказывал Кутузов перед началом занятия, и теперь Родионов вспоминал эти слова. Он по своей природе не мог отнестись к подобному занятию просто, и теперь его воображение работало в полную силу, рисуя далее за дорогой вражеские ДЗОТы

и блиндажи, а в них укрытые пулемётные и гранатомётные расчёты. Михаил пробежал с десятков метров и с разбегу плюхнулся на сырую землю, перекатился влево несколько раз и, разбросав ноги как можно шире, изготовился к стрельбе.

– Третьи номера пошли! Первые номера пошли! – раздавались команды вновь тут и там, и всё приходило вновь в движение.

Поднимая глаза в ту минуту, Михаил видел перед собой не залитую солнечным теплом цветущую поляну, а необъятное поле боя, где мелькали искры трассирующих пуль, где его товарищи по команде одновременно поднимались и мчались вперёд, лавируя в вихре вражеского огня. Совершив рывок, они так же стремительно припадали к земле и перекатывались вбок, укрываясь от опасности. То и дело раздавались команды «воздух» и «вспышка слева», и тогда тройки бросались в стороны, замирали на несколько секунд, спасаясь от разрывов снарядов. Кутузов вышел вперёд к наступающим и расхаживал меж рядов залёгших бойцов.

– Ты убит, идиот, жопу надо ниже опускать! А тебя снайпер в голову подстрелил, нечего выглядывать там, за тебя командир видит и думает, а ты должен только бежать и прятаться! – говорил он, указывая на убитых и раненых.

– Санитар, санитар! Ааа... – кричали некоторые солдаты, отыгрывая ранения и гибель.

– Вторые номера вперёд! Третьи номера вперёд!

И бойцы, кто остался цел, снова поднимались и шли в атаку. Михаил, с трудом дыша в противогазе, вскакивал, мчался, падал, перекатывался, прижимаясь к холодной намокшей земле. Земля теперь, когда он лежал на ней, держа в руках автомат, когда над головой как будто свистели пули и осколки, эта сырая чёрная земля казалась такой близкой и родной. Она как мать принимала своё блудное дитя, старалась укрыть его от всех бед. И ничего, что раньше он не обращал на неё внимания, не любил и лишь топтал своими ботинками. Сейчас он понимал, что нет в бою ничего ближе и роднее этой земли. Только она защитит, обласкает и, если придётся, примет таким, какой ты есть, без колебаний и упрёков.

– Вперёд, вперёд! – раздавались крики.

Наконец ряды атакующих приблизились на расстояние десяти метров к первой цели – передовому вражескому окопу. Полуметровый замаскированный бруствер ещё преграждал солдатам путь туда, но за ним – все знали – уже окоп, и в нём – враг.

– Стой! Гранаты к бою! – раздалась команда, и в ряд лежащие солдаты потянулись за гранатами. То были большие сосновые шишки, которые они собрали заранее.

– По команде! Раз, два, три! – прокричал один из сержантов, стоящих в стороне, и бойцы стали бросать за бруствер шишки, зажимая уши.

– Взвод в атаку! Ура! – скомандовал Кутузов, и оставшаяся часть взвода поднялась в полный рост, устремляясь к окопу.

– Ураааа! – раздался боевой клич.

Курсанты преодолевали последние метры до окопа, переваливались через бруствер и расстреливали врагов.

– В ножевую!

– Бей, коли! Аааа...

Родионов оказался незаметно в бегущей толпе и, не успев замедлиться, спрыгнул на всей скорости в окоп, едва удержавшись на ногах. Размахнувшись, он ударил зазевавшегося врага прикладом, а другого заколол штыком прямо в грудь, разворачивая штык в плюющей кровью плоти влево, нанося рваную рану, как его учили.

– Рубеж взят! Занять оборону! Приготовиться! Враг не дремлет! Приготовиться к отражению контратаки! – скомандовал тут же Кутузов, стоя на бруствере, как только солдаты заняли передовой окоп.

Тут же курсанты отреагировали и припали к стенкам окопа, выставили вперёд автоматы, отыскивая противника. Всюду взмывала пыль, песок со стенок окопа прилипал к вспотев-

шим ладоням, намокшие вещмешки тянули вниз. Солдаты наблюдали за следующим рубежом, по шеям их сбегали холодные капли дождя и пота, уши закладывало, и противогазы душили.

– Взвод, первые номера пошли!

И вновь зелёная одичалая толпа пришла в движение. С усилиями выбираясь из глубокого окопа, новобранцы поднимались и перебежали, падали, перекатывались. Родионов, повесив автомат на шею, приподнялся на руках и выбрался из окопа. Едва видя что-то перед собой, он побежал, петляя, вперёд. Дышать ему становилось всё тяжелее, стёкла противогаза запотели, и ничего уже не было видно далее пяти метров. Родионов упал на землю, откатился и вжался в неё всем телом, схватил её руками, положив перед собой автомат. Прошли лишь несколько минут с начала занятия, но его ноги устали под весом ноши, от сбивчивого бега они точно стали свинцовыми и не слушались. Михаил, лёжа на холодной мягкой земле, чувствовал, как капельки дождевой воды впитываются в его китель снизу и сверху, и тот становится влажным и тоже тяжелеет. Михаил вдруг ощутил, как что-то сковывает его дыхание. Он попытался сделать вдох, другой, но лишь маленький глоток кислорода попал в лёгкие, и он продолжал задыхаться. «Снять противогаз, вдохнуть свежий воздух, вот что нужно», – думал он про себя. «Нет, нельзя! Никакого свежего воздуха вокруг нет, там только отравляющий газ, всюду вокруг, там всюду – смерть». Лёжа так, обняв автомат, изнывая от жары, сырости и усталости, он сквозь перепачканные стёкла видел чёрную землю – близкую, цветущую, желанную, словно возлюбленная женщина. Он видел также как молодая травка в сантиметре от его лица слегка колыхнется на ветру и угадывал в том дыхание самой жизни.

«Впереди ещё пятьдесят метров продвижения, ещё пятьдесят метров» – думал он.

– Вторые номера пошли, вперёд! – раздалась команда.

Тактическое занятие, выдуманное в загадочном порыве Кутузовым, длилось всего двадцать минут. Так мало в обычной жизни и мало в далеком детстве, когда игра в войну была невинной дворовой забавой. Хотя не было в действительности над головами курсантов ни свистящих, пахнувших смертью пуль, ни звенящих свирепых осколков, не было даже газа или дыма. Всё равно молодым солдатам было и сложно, и страшно, и разные важные мысли появлялись в их головах. Многие тогда ощутили, какой может быть война, даже её маленький и короткий эпизод, осознали, чего стоит мир, те усилия, которые приложили прежде их деды и отцы для того, чтобы не было войны.

Двадцать восьмое июля, суббота, стало особенным днём. То был день присяги пехотного полка, и, хотя танкисты никак не были задействованы в том, праздник коснулся их также. С самого утра в полку происходило необычайное оживление, мотострелки все были чистенькие и разглаженные, идеально подшитые, и ботинки их лоснились на солнце. Офицеры блистали в изящной парадной форме, значки на их кителях и у некоторых награды отливали радужным светом. Множество гражданских лиц с раннего часу стало прибывать в полк и занимать выгодные места на плацу. Зевающие по сторонам солдаты восторженно наблюдали за милovidными улыбающимися девушками в ярких летних платьях, неустанно провожали взглядами полные всевозможных съестных припасов сумки, которые родители и старики охотно волокли любимым чадам.

– Смотри, какая красotka! Не идёт, а пишет! – говорил кто-либо в компании танкистов, стоящей на улице, или плотно толпящейся у окна.

– Меня больше будоражит сумка вон той скрюченной бабули, должно быть там килограммы пирожков и всякой вкуснятины! – говорил Скорев, провожая голодным взглядом туго набитую сумку, и все смеялись над ним.

– Ты всё готов променять на жратву, тебя и присяга не интересует, а ты просто хочешь живот набить! – дразнил его Кириллов, и все поддерживали шутника безудержным смехом.

Суэта и всяческая подготовка наводились изумительные. Офицеры с командами солдат сновали туда-сюда, приносили на плац столы, разные папки с документами, устанавливали звуковую аппаратуру. Внутри казарм всё также было занято различной деятельностью. Солдаты приводили в бесподобный порядок свой внешний вид, получали автоматы, повторяли слова воинской присяги. Сержанты были весьма рады происходящему оживлению, пинками подгоняли нерасторопных бойцов, собирали компании вокруг себя и травили байки. Танкисты, в субботу обыкновенно производящие уборку казармы, из-за мероприятия освобождались от многих обязанностей и предоставлялись едва ли не на целый день самим себе.

– Собираются, как будто парад победы проходит! – рассуждал Прокофьев, когда первое отделение первого взвода почти в полном составе расположилось у окна и внимательно следило за происходящим.

Около девяти утра пехотный полк был готов к предстоящему событию. Плац оказался заполнен до отказа ротами и ровно, по линии окружен неисчислимым количеством гражданских. Вся эта пёстро-нарядная гурьба народа с видеокамерами, цветами и подарками, шумливая и разрозненная, составляла разительный контраст с неподвижными, словно застывшими стройными колоннами молодых солдат. Лишь в начале колонн их однообразный зелёный оттенок разбавляли белоснежными рубашками офицеры.

Принятие присяги в тот день происходило во многих частях по всей стране. Командиры считали, что это, наконец, преодоление и правовой ступени службы, после которой новобранец действительно называется солдатом и подвергается в полной мере ответственности за все свои проступки.

В десять часов командир пехотного полка вышел из штаба к трибуне, за ним же следовали его заместители и начальник штаба. Заняв своё место, он в короткой речи поздравил присутствующих и объявил о начале мероприятия. Затем оркестр заиграл марш, со стороны штаба вышла знаменная группа с российским флагом, вооружённых сил и сухопутных войск. Группа прошла вокруг плаца, с большим трудом преодолевая огромные рытвины и ямы в асфальте на своём пути. Наконец знаменосцы заняли надлежащее место в строю полка, и командир дал приказ приступать к принятию присяги. Далее последовал тот самый значимый обряд, которого ждали с нетерпением и солдаты, и их родственники, но который не слишком зрелищен. Командиры мотострелковых учебных рот вышли из строя и развернулись лицом к новобранцам. Рядом к ним были вынесены столы, обтянутые красной тканью, и принесены такого же цвета папки. Солдаты выходили по одному, зачитывали клятву, расписывались и жали руку командиру роты. Это небольшое дело, длящееся в каждом случае не более двух минут, продолжалось полтора часа, и ближе к концу его молодые солдаты как могли незаметно изворачивались, разминая спины, затёкшие от сильного напряжения и давления автоматного ремня. Гражданские, которым всяческое ожидание и однообразное действо быстро надоедает, уже через полчаса зашевелились в нетерпении. Дети и подростки, находящиеся здесь, изнывали от скуки и необходимости соблюдать приличия, а терпеливые матери пытались их утихомирить пленительными обещаниями.

Наконец, когда церемония была исполнена, командир полка проговорил лаконичное напутствие солдатам и враз растворился в толпе штабных служаков. Под воодушевляющую игру оркестра была дана команда разойтись, и тогда любящие матери и гордые отцы устремились к своим сыновьям. То был действительно яркий и солнечный праздник: объятия и приветствия не прекращались, поздравления и наставления звучали отовсюду, глаза блестели от слёз счастья, а руки дрожали от волнения.

– Вот же праздник, так праздник! – говорили танкисты между собой, сидя под окнами в своей казарме и с упоением следя за происходящим.

– Нам предстоит то же самое, уже завтра!

– Скорее бы поест по-человечески...

После принятия присяги, возвращения оружия в распоряжение роты и ещё некоторых мероприятий те из солдат, к кому приехали родственники, были отпущены до девяти вечера в увольнение. Отдельные лица, которые желали остаться в городе на ночь или на две, обсуждали с командиром особые условия, и то, как правило, была покупка для роты каких-либо строительных материалов, краски, шпатлёвки, канцелярской бумаги и ещё чего угодно. После таких сделок командиры становились куда сговорчивее и, передавая солдат на поруки их родителям, с улыбкой до ушей желали им приятного отдыха.

К двум часам дня большая часть торжества завершилась, люди в основном разошлись, оставив на плацу невероятное количество мусора, бумажек и пластиковых бутылок. Для их уборки была выделена рабочая команда из тех, кому не посчастливилось отправиться в увольнение. Танкисты же вышли из казармы лишь на обед, оказавшийся, по случаю присяги у пехоты, хорошим и весьма сытным для всех. После этого курсантов, как и водилось, разделили на группы и отправили по разным поручениям, однако до самого вечера они могли любоваться гуляющими по части прелестными девушками и следить за перемещениями полных благоухающей домашней еды бабушкиных сумок.

Утро следующего дня началось рано уже для танкистов. В воскресенье, двадцать девятого июля, состоялась присяга у них. Удивительно точно всё повторилось в этот день как накануне у мотострелков за исключением того лишь, что небо над головой было не таким безоблачным и ветер иногда проносил по плацу клубы пыли. Всё торжество прошло в том же самом порядке. Куандыков вышел и отдал приказ, под игру оркестра прошла знаменная группа, вышли офицеры и стали принимать присягу у солдат.

Сложно определить, какое место в жизни и военной службе новобранцев занимали эти серьёзные минуты. Неверно будет сказать, что курсанты приходили в восторг от посвящения в солдаты. Довольно давно, как только призывники облачились в военную форму и принялись изучать порядки службы, необратимые изменения начали свершаться в их головах, сердцах, душах. Они стали превращаться в солдат, медленно и постепенно, как то и должно происходить, и присяга не могла стать решающим обстоятельством, даже сколько-нибудь важным. Невозможно дать почтальону ружьё и сделать его стрелком. Невозможно одеть человека в защитный китель и тем сделать его солдатом. Невозможно привести к присяге роту курсантов и тем сделать их военнослужащими. То трудоёмкое, длительное и всегда ответственное занятие, когда мужчина превращается в солдата, воина, и оно нуждается главное в порядке, обучении, времени. Солдаты воспитываются в первую очередь месяцами службы и делом, и никакие другие события, начинания вроде краткосрочных курсов боевой подготовки, которые часто имеют место в истории, не принесут желаемого результата.

Так и нынче, произнося слова клятвы, многие из юных танкистов если и задумывались над значимостью происходящего, то не всегда и в полной мере понимали её. Безусловно, решающий момент свершился, по всем своим смыслам закон теперь считал этих желторотых юнцов военнослужащими, солдатами, однако сказать стоит другое. Даже годы спустя многие юноши с трудом понимали и представляли, чего от них однажды могут потребовать, обратившись к сказанным ими оным солнечным июльским днём словам.

Отец, мать и брат Михаила присутствовали на торжестве. До начала они все вместе увиделись, пока танковая рота строилась возле казармы, но не успели обмолвиться и парой слов. Во время присяги его семья находилась почти против него, брат снимал происходящее на видеокамеру, отец блаженно улыбался и то и дело махал сыну рукой, а мать не успевала вытирать набегавшие слёзы. Ей многое казалось в тот миг сном, и не столько она плакала от радости встречи с сыном, сколько от неожиданности случившихся перемен в её жизни. Перед ней стоял её младший сын, не так давно, кажется, приносивший ей дневник для проверки, приходивший целовать её на ночь, принадлежавший безраздельно ей одной, уже в военной форме и с оружием, являющийся наряду с сотней других юнцов частью какого-то под-

разделения, и произносил слова какой-то клятвы, держа в руках какую-то папку, обшитую красным бархатом.

«Клянусь свято соблюдать Конституцию Российской Федерации, строго выполнять требования воинских уставов... Дстойно исполнять воинский долг, мужественно защищать...» – звучали тут и там слова клятвы. Искрились вспышки фотоаппаратов, играл оркестр, командиры рот принимали присягу и жали руки курсантам. Родители солдат, гордые своими отпрысками, расплывались в благосклонных улыбках и рукоплескали. Солдаты, исполнившие обряд, звонко выстукивая шаг ботинками, возвращались в строй и облегчённо выдыхали, спрашивая у своих сослуживцев и незаметно указывая в цветастую толпу гражданских:

– Ну чего, как я выглядел? Вон там мои стоят. Видишь, вон в голубом сарафане мать! Надеюсь, хорошо вышел на фотографии. Жарко, чёрт бы побрал...

Наконец, когда спустя полтора часа действие закончилось, командир полка Куандыков вышел на трибуну и поздравил курсантов с торжественным днём. Он скомандовал и так же стремительно, как и пехотный командир накануне, покинул часть, ведь отнюдь не в его манере было в воскресенье появляться в полку.

– Рота, вольно, разойдись, сержанты ко мне! Оружие сдать, потом кто в увольнение – направлять ко мне, – командовал уже Алексеев.

После его слов танкисты разбрелись в разные стороны, немедленно оказываясь в объятиях своих родственников. Матери обнимали сыновей, осыпали как попало поцелуями, причитали, жалуясь на длительное расставание. Отцы сдержанно стояли рядом и ждали своей очереди, за ними братья, сёстры, дяди и все остальные. В этой гуще бесчисленных родственников и их слёз, объятий, восклицаний возможным оказалось увидеть, насколько одна-единственная непродолжительная жизнь может быть значима для многих людей.

– Сыночек мой, совсем взрослый... – робко обнимая Михаила, едва слышно проговорила его мать, утирая предательски сбежавшую слезу.

– Ну что ты, боец, как оно тут? Чего такой худой? – приветствуя, бодро спрашивал сына отец.

Родионов, Масленников, Прокофьев и многие другие после сдачи оружия и непродолжительных необходимых согласований были отпущены в увольнение до вечера. Как и ожидалось, это выдался прекрасный день, подобный глотку холодной воды в испепеляющую жару, истинный праздник для каждого из них. Курсанты, облюбываемые и восхваляемые родственниками, отправились в соседний город Ковров, и там, прогуливаясь в парках по цветущим аллеям, рассказывали близким о службе. Матери и сёстры, как водится, узнавали про быт, питание, сон, а отцы, братья, дяди предпочитали слушать про армейские порядки, учёбу, оружие, танки. Между рассказами молодые танкисты без устали поглощали привезённые гостинцы, сладости, и на это время умолкали, слушая простые родительские истории о жизни в родных городках, с большой охотой внимая каждое их слово, рисуя в воображении уже позабытые заурядные, но приятные, согревающие картины знакомых мест.

Родионов нехотя, неуверенно отвечал на некоторые вопросы, не вовсе касающиеся службы, а родители его, вежливые и внимательные, плутали вокруг да около. Никто из его семьи, предпочтя слушать про автоматы, пулемёты, офицеров и всё остальное, так и не спросил главного, что интересовало каждого – нашёл ли уже Михаил в военной службе то, что отправился искать. Лишь вечером, когда они вернулись в полк, отец его спросил:

– А дальше что, Мишка, не думал?

– Да что-что, служить дальше, ещё много.

– Выходит, послужишь?

– Послужу, а что поделаться? Тут ведь не школа и не университет, пораньше не уйти, – с улыбкой проговорил Михаил.

– Нравится, значит?

– Нравится, да...

Михаил начал и на мгновение умолк, выдумывая, что бы сказать. Он страшно утомился с утра, особенно оттого, что целый день ходил прямо и твёрдо, скрывая боль, хотя палец на левой ноге его опять был стёрт и изрядно кровоточил. Он пошевелил пальцами. Там внутри, в ботинке, ему казалось, образовалась какая-то жуткая на вид каша из человеческой плоти, крови и пыли, от которой скоро ему предстоит со страданиями оторвать прилипший носок.

– Здесь товарищи, я к ним уже привык, мы по-братски живём, это очень здорово. И ещё... Кажется, только сейчас я живу по-настоящему, ярко и полно, хотя может и не так, как хочется. Понимаешь?

– Понимаю. Гляди, ещё полюбится тебе жить ярко и полно, потом не захочешь возвращаться, – отшутился отец, обнимая сына.

Около восьми вечера большинство гражданских лиц покинуло часть, а солдаты стали возвращаться в казармы. К той минуте почти не встречались девицы в платьях и юноши в повседневной одежде, лёгкой и удобной, которых завистливыми взглядами провожали курсанты. Полк лишился украсивших его доброжелательных улыбок и раскатов не стеснённого военным порядком смеха. Командирский день – понедельник – и всё с ним грядущее подступали. Офицеры надели обыденную полевую форму и приступили к привычным обязанностям. К девяти часам оба полка выстроились на плацу и командиры рот пересчитывали подчинённых. Солдаты, прошедшие день с близкими, стояли в строю отдохнувшие, счастливые, но с большими болями во вздутых животах. Не в силах остановить вождление к вкусной пище, в течение дня каждый из них поедал всё подряд без остановки и без разбора.

– Наконец этот кошмар закончился... – с большим трудом, вздыхая, произносил Прокофьев.

– Ещё нужно дождаться, чтобы полегчало, – соглашался с ним Родионов, и оба с огромными усилиями смеялись, расслабляя свои ремни.

– Да вы чего, здорово же было, вот так кушать бы всегда! – протестовал Скорев. Он ещё незаметно что-то жевал, и карманы его трещали по швам, заполненные конфетами и шоколадом.

По возвращении в казарму роты сержанты, вспоминая давний опыт, когда они сами принимали присягу, приказали всем раздеться и уложить форму перед собой. Тогда они прошли по проходу, вытряхивая всё из солдатских кителей и штанов. Что попадалось съестного, они складывали в приготовленный заранее гигантский мешок. Улов их оказался неслыханных размеров, и они полночи после сидели в каптёрке и пили чай. Только в четвёртом часу они разошлись с набитыми до отказа животами, не меньше новобранцев довольные прошедшей присягой и своим пригодившимся опытом.

Неумолимое колесо времени завертелось с новой силой. Ожидаемый и такой отдалённый, как прежде казалось, рубеж – присяга, первый из всех видимых, по которому многие начинали ориентироваться в своей службе, был преодолен довольно внезапно и скоро. Лишь когда знаменательное событие прошло и дни помчались в бесконечном круговороте, пресыщенные различной всепоглощающей деятельностью молодые солдаты заметили, что время, каким бы оно не казалось жестоким и суровым теперь, когда им предстояло отбыть год в армии, это самое время спешно движется вперёд. Наконец, когда прошёл месяц с их прибытия, молодые танкисты поняли простой и точный смысл известного солдатского выражения: «Солдат спит, служба идёт». Стало ясно многим, что бы ни происходило с ними и вокруг, время не останавливать, не повернуть вспять, ни по приказу командира полка, ни по приказу командующего округом, а потому каждый день проходит, влечёт за собой следующий и новый, и они тоже проходят, уменьшая оставшийся срок.

– Всё это закончится когда-нибудь. Правда, конец ещё так далеко, что даже думать об этом не хочется, – размышлял как-то Прокофьев, когда большой компанией солдаты сидели вместо занятий в перелеске за стадионом и жевали разные скромные сладости.

– Если не думать об этом каждый день, то и время идёт довольно быстро. А поначалу казалось не так, – говорил Родионов Масленникову во время одного из походов на директрису.

– Поначалу я думал, что же это за задница огромная и глубокая, в которой мы оказались, – смеялся Масленников. – Целый день бегаешь, драчишься, устаёшь как собака. Ночью на секунду закрываешь глаза, и тут новый день, всё заново, и опять бежишь куда-то. Проходит какое-то время, ты радостный думаешь, а не посмотреть ли на календарь, сколько там уже прошло? Смотришь, а прошла-то всего неделя. Одна из пятидесяти.

– Сейчас всё несколько иначе, должен сказать, вот уже месяц. Дальше снова какие-нибудь приключения, стрельба эта, рабочки, и вот ещё месяц. А там недолго останется и до выпуска.

Говоря о выпуске, который ожидался пусть и не скоро, лишь через два месяца, оба курсанта были немногословны и задумчивы. Их пока ещё не тревожил этот вопрос – кто куда отправится после окончания учебного курса в Коврове, но всё же эти мысли иногда посещали их. Из разговоров с Авдиенко, который очень хорошо относился к обоим солдатам, мало что можно было узнать толкового, в основном сплетни и слухи, рождённые неизвестно кем и где. Масленников продолжал:

– Ох, ещё этот выпуск... Если он вообще будет, как бы здесь не оставили. Хотя здесь, думаю, довольно удобно служить, вон магазин, столовка, всё есть. Слоны будут, ходи да деньги сшибай с них в своё удовольствие. За каждый поход по полтиннику, так каждый день можно пировать.

– Это правда, но я рассчитывал на другое, когда шёл служить. Мне всё это не слишком интересно.

– Успеешь ты ещё наслужиться. Или здесь тебе не служба? Тоже ведь армия. Если это всё существует, наверное, оно нужно, значит, и ты здесь нужен. Да и неизвестно ещё, насколько лучше и полезнее там, в войсках. Авдиенко что-то рассказывал, да он сам-то там не был, откуда может знать?

– И это верно. Но как ты себе представляешь, мы тут такие важные, красивые ходим, расшитые как петухи на параде, строим из себя удальцов, а напуганные пацанята, как и мы раньше, бегают вокруг нас по команде. Или думаешь, мы их чему-то научим, воспитаем? Да всё это смешно, здесь самим многим надо ещё воспитываться и учиться... – Родионов сделал паузу, и, выбрав слова, заключил, – Уж лучше оказаться в новом месте, получить второй шанс! Может там иначе, лучше? Может там серьёзная мужская работа?

– Может, – размышляя, отвечал Масленников. – А если будет тяжело и сложно? Обратного ты уже не вернёшься.

– Будет тяжело – ничего, переживём. Здесь тоже бывает непросто. Привыкнем как-нибудь.

– Думаешь, дело в привычке? Так и что, ко всему, по-твоему, можно привыкнуть?

Молодые люди шли и разговаривали, как всегда, делились своими мыслями, переживаниями и настроениями. Они были правы главным образом в том, что дело было действительно в привычке. Эта солдатская привычка, исключительная и незаменимая, давно оказывала неоценимое воздействие на их службу, хотя они поначалу не догадывались об этом. Однажды знойным днём рота оказалась на занятии на полигоне, с собой из полка солдаты принесли оружие, снаряжение, а также два ящика учебных противотанковых гранат. Эти гранаты были муляжами гранат РКГ-3 и снаряжались учебными взрывателями. Граната весила около килограмма, в полёте у неё раскрывался небольшой парашют, что придавал ей нужное положение при падении. Во время соприкосновения с твёрдой поверхностью срабатывал капсуль ударника, раздавался громкий хлопок, но это был лишь звук, и граната оставалась

невредимой. По условиям упражнения гранату нужно было бросить снаряженным в бронезилет, шлем, держа в руке автомат, из глубокого окопа и попасть в круг радиусом в метр. После этого требовалось тут же провести стрельбу из автомата холостым патроном. Упражнение это было не сложным, но трудоёмким и очень продолжительным по времени. Первый взвод, отстрелявшись, некоторое время ещё находился в общем строю, но вскоре бойцы, поняв, что за ними не смотрят, разбрелись и легли спать где попало. Одна группа солдат, среди которых были Родионов и Масленников, расположилась прямо на засохшей танковой колее. Перекопанная земля здесь весьма удобно служила танкистам подушкой. Они улеглись на песок, надвинули кепки на глаза и, пригретые жарким августовским солнцем, стали засыпать. Кругом тогда создавалась беспорядочная суета, то и дело раздавались разрывы гранат, автоматные очереди, звучали окрики командиров. Позже прибыли танки для тактических занятий, и к балагану добавился шум трёх работающих турбинных двигателей. Но молодые танкисты лежали так же, как прежде, неподвижно и с удобством. Ничто не тревожило их сон, ничто не отвлекало от единственно важного теперь дела. То было проявление солдатского умения устраиваться в любых условиях, простой и поразительной привычки, которая и помогает перенести службу с её лишениями и неудобствами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.